

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

# РОССИИ АДЛЕР-ОЛЬСЕН

РОМАН



Расследует  
отдел «Q»

## ТЬМА В БУТЫЛКЕ

Книги Адлера-Ольсена больше чем просто «нуар»...  
И никаким душевным терзаниям и мукам не совладать с неумным  
любопытством главного следователя из отдела «Q».

Library Journal

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

**Юсси Адлер-Ольсен**

## **Тьма в бутылке**

**Серия «Звезды мирового детектива»**

**Серия «Отдел Q», книга 3**

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=65821617](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65821617)*

*Тьма в бутылке : роман / Юсси Адлер-Ольсен: Азбука, Азбука-*

*Антикус; Санкт-Петербург; 2021*

*ISBN 978-5-389-19908-8*

### **Аннотация**

Отделу «Q» полиции Копенгагена поручено расследование весьма необычного дела. Полиция Шотландии переслала датским сыщикам небольшую бутылку, выброшенную морем на пустынный берег: в ней обнаружилось истлевшее послание на датском языке, написанное кровью. Текст плохо сохранился – время и морская вода сделали свое дело. Приступив к расшифровке, детектив Карл Мёрк вместе со своими помощниками установил, что в послании был заключен призыв о помощи. Что это – детская шалость или последняя надежда на спасение? Карл Мёрк и его коллеги пытаются использовать все возможности, чтобы раскрыть это и другие чудовищные преступления серийного убийцы, которому в течение долгих лет удавалось уходить от правосудия.

# Содержание

Пролог	5
1	10
2	18
3	23
4	31
5	47
6	58
7	73
8	85
9	101
10	108
11	129
12	145
13	153
14	174
Конец ознакомительного фрагмента.	188

# Юсси Адлер-Ольсен

## Тьма в бутылке

Jussi Adler-Olsen

FLASKEPOST FRA P

Copyright © Jussi Adler-Olsen, 2009

Published by agreement with JP/Politikens Hus A/S,  
Denmark & Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency,  
Sweden

All rights reserved

© В. В. Жиганова, перевод, 2013

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

\* \* \*

*Посвящается моему сыну Кесу*

# Пролог

Наступило уже третье утро, и запах смолы и водорослей начал въедаться в одежду. Под полом эллинга тихо плескалась ледяная каша, омывая сваи и пробуждая воспоминания о временах, когда все было хорошо.

Он приподнялся на лежанке из бумажного мусора ровно настолько, чтобы разглядеть лицо своего младшего брата: тот спал, но его лицо выражало боль.

Скоро он проснется и примется с недоумением осматриваться вокруг. Обнаружит тугие кожаные ремни, стягивающие запястья и талию. Услышит звон цепи, которой прикован к стене. Увидит метель и свет, силящийся проникнуть сквозь просмоленные доски. И тогда он начнет молиться.

Бесчисленное множество раз отчаяние вспыхивало во взгляде брата. Вновь и вновь молитвы о милости Иеговы доносились сдавленным хрипом из уст, плотно заклеенных лентой.

Однако они оба знали, что Иегова не удостоит их своей милостью, ибо они отведали крови. Крови, подмешанной похитителем в стаканы с водой, из которых он дал им пить, прежде чем сообщил о содержимом. Они испили воды с запретной кровью, и вот теперь осуждены навечно. А потому стыд жег их изнутри даже сильнее, чем жажда.

«Как ты думаешь, что он с нами сделает?» – вопрошал

взгляд младшего брата.

Но откуда было знать ответ? Он лишь инстинктивно чувствовал, что скоро все кончится.

Он вновь лег и в очередной раз осмотрел слабо освещенное помещение. Взгляд его скользил вдоль ригелей и густой паутины, отмечая все выступы и неровности. Ветхие одно- и двухлопастные весла, висевшие на стенах. Прогнившие рыболовные сети, давным-давно принесшие свой последний улов.

И вдруг он заметил бутылку. Солнечный луч, ослепив, мгновенно высветил голубоватое стекло.

Она находилась так близко, и все-таки как же сложно было до нее дотянуться связанными за спиной руками! Бутылка торчала позади него, зажата между двумя половицами. Он сунул пальцы в щель между досками и осторожно взялся за горлышко. Если бы только заполучить бутылку! Он намеревался разбить ее и перерезать осколком ремень, сковывающий запястья. Потом он избавится от ленты, парализующей рот, скинет ремни, стягивающие талию и бедра, и как только цепь, прикрепленная к кожаному ремню, падет, наконец бросится к брату и освободит его. Крепко прижмет к себе и будет держать в объятиях до тех пор, пока их тела не перестанут дрожать.

Затем он изо всех сил примется резать стеклом деревянную дверь. Посмотрим, можно ли выдолбить доски в местах, где крепятся петли. А если случится страшное и автомобиль

приедет раньше, чем работа будет закончена, он подкараулит этого человека за дверью, держа разбитую бутылку в руке. Вот что он собирался сделать, так он себе все представлял.

Он подался вперед, сложил онемевшие ледяные пальцы и попросил прощения за свои злые мысли. Затем принялся дальше ковырять щель, чтобы заполучить бутылку. Он скреб и скреб до тех пор, пока та не накренилась настолько, что ее стало возможно вытащить.

Он наострил уши.

Неужели звук двигателя? Точно. Похоже на мощный мотор большого автомобиля. Но приближается ли этот автомобиль к ним или просто едет мимо?

На мгновение звук усилился, и он так яростно потянул за горлышко, что хрустнули суставы пальцев. Однако звук стал затихать. Может, это ветряная установка, которая воет и грохочет где-то снаружи? Или что-то другое? Он так и не понял.

Он выдохнул, и пар застыл в ледяном воздухе у самого лица. В данный момент он не испытывал особого страха. Чем больше он думал о Иегове и его милости, тем легче ему становилось. Он сжал губы и продолжил начатое. И как только бутылка наконец поддалась, он так яростно принялся колотить ею об пол, что брат рывком поднял голову и в ужасе начал озиаться.

Он бил бутылкой по половицам снова и снова. Сложно было размахнуться ею связанными руками, слишком слож-

но. В конце концов, когда пальцы уже были не в силах удерживать бутылку, он лег и тупо уставился на нее. Пыль в тесной камерке летела с ригелей вниз.

У него не получилось разбить ее. Он просто был не в состоянии. Разбить какую-то ничтожную бутылку. Неужели все из-за того, что они пили кровь? Значит, Иегова их покинул?

Он взглянул на брата, который медленно завернулся в бумажную подстилку и лег. Он молчал. Даже не пытался ничего промычать сквозь липкую ленту.

Потребовалось некоторое время, чтобы собрать все необходимое. Самым сложным оказалось растянуть цепь настолько, чтобы кончиками пальцев дотянуться до смолы, сочившейся из досок. Все остальное находилось в пределах досягаемости: бутылка, деревянная щепка от половицы, обрывки бумаги, на которых он сидел.

Тогда он стащил один ботинок, а потом так глубоко ткнул щепкой в запястье, что глаза наполнились слезами. Минуту или две кровь капала на блестящий ботинок. Затем он выдрал большой кусок бумаги из подстилки, обмакнул щепку в кровь, повернулся на бок, потянув за собой цепь таким образом, чтобы видеть то, что он пишет за спиной. Собрав все свои силы, он мелкими буквами поведал об их беде. Подписав сообщение, скатал листок бумаги и запихнул его в бутылку, не забыв затолкать в горлышко немного смолы. Он выпрямился и несколько раз тщательно проверил, все ли сде-



лал правильно.

Едва закончив, он услышал глубокий звук гудящего двигателя. На этот раз сомневаться не приходилось. На секунду задержав взгляд на брате, он изо всех сил потянулся в направлении света, пробивающегося сквозь широкую щель в стене, – единственное отверстие, через которое можно было вытолкнуть бутылку наружу.

Затем дверь отворилась, и показался мужчина невысокого роста, который вошел внутрь в облаке белых снежинок.

Тишина.

Раздался шлепок о воду.

Бутылка была отпущена.

Карл проснулся. Он, конечно, ожидал очутиться в более приятной обстановке.

Первое, что он ощутил, – это жуткий запах изо рта, как будто в животе у него пробился сероводородный ключ. Затем, открыв глаза и осмотревшись, он обнаружил рядом с собой спящую женщину, из уголков рта у нее подтекали слюни.

«Проклятье, это же Сюзсер», – сообразил он и попытался вспомнить события минувшей ночи.

Итак, Сюзсер. Его не расстающаяся с сигаретой соседка. Балаболка предпенсионного возраста и мастерица на все руки из мэрии Аллерёда.

Ужасная мысль промелькнула в его голове. Карл медленно приподнял одеяло, после чего облегченно вздохнул: несмотря ни на что, он все еще был в трусах.

Карл выругался, убирая жилистую руку Сюзсер со своей груди. Такой головной боли он не испытывал с тех пор, как Вигга покинула дом.

– Благодарю, обойдемся без подробностей, – предупредил он, встретив на кухне Мортена и Йеспера. – Только объясните мне, что эта дама забыла в моей постели?

– Старая ведьма весит целую тонну, – заметил пасынок, поднося ко рту только что открытый пакет с соком.

Когда Йеспер научится пользоваться стаканом, не смог бы

предсказать даже Нострадамус.

– Извини, Карл, – сказал Мортен, – но она не могла найти ключи, а ты все равно уже вырубился, вот я и подумал...

«Больше никаких гриль-вечеринок с Мортеном», – пообещал себе Карл и бросил взгляд в комнату на кровать Харди. Две недели назад коллега въехал в квартиру Карла, нарушив привычный домашний уют. Дело не в том, что регулируемая по высоте кровать занимала четверть площади комнаты и частично загораживала вид на сад; и не в том, что капельница или переполняющиеся мешки с мочой причиняли Карлу какие-то неудобства; и даже не в том, что полностью парализованное тело Харди непрерывно испускало зловонные газы. Нет, причиной произошедшей перемены было чувство вины, которое возникло у Карла, – за то что у него самого обе ноги здоровые и он может перемещаться на них, когда и куда захочет. Карлу стало казаться, что он должен оправдываться за эту свою способность. Жертвовать чем-то. Все время что-то делать для обездвиженного мужчины.

– Успокойся, – говорил Харди, когда они несколько месяцев назад обсуждали плюсы и минусы его переезда из клиники спинномозговых травм в Хорнбэке. – Здесь между твоими посещениями проходит целая неделя. Так тебе не кажется, что я могу иногда обойтись и без твоего непосредственного внимания, если переберусь к тебе?

Но оказалось, что Харди мог просто тихо дремать, как сейчас, и все же его присутствие продолжало беспоко-

ить Карла. Оно отражалось на мыслях, на планировании дня, на словах, которые необходимо было тщательно взвешивать, прежде чем произнести вслух. Это доставляло неудобство. А что ни говори, испытывать постоянное неудобство в собственном доме ужасно. К тому же добавились бытовые обязанности – стирка, смена белья, уход за внушительным телом Харди, покупки в магазинах, общение с медсестрами и представителями власти, приготовление еды. Конечно, с этим помогал и Мортен, но все же.

– Как спал, дружище? – осторожно спросил Карл, подойдя к постели Харди.

Старый коллега приоткрыл глаза и медленно улыбнулся:

– Ну вот отпуск и закончился. Добро пожаловать к штурвалу, Карл. Четырнадцать дней истекли, они были тяжелыми. Но мы с Мортеном справимся. Только передай привет парням от меня, ладно?

Карл кивнул. Как же тяжело сейчас Харди! Если бы кто-нибудь мог поменяться с ним местами хоть на один день...

Раздобыть бы где-нибудь один день для Харди!

Кроме охранников в будке, Карл никого не встретил. Весь персонал полицейского управления словно ветром сдуло. Коридор выглядел по-зимнему серым и неприветливым.

– Что, черт возьми, происходит? – закричал Карл, спускаясь в подвал.

Он ожидал шумного приветствия, надеялся ощутить рез-

кий запах мятной жвачки Асада или услышать, как Роза напевает какую-нибудь классическую мелодию, но все словно вымерло. Неужели они покинули судно, пока он пребывал в двухнедельном отпуске по случаю переезда Харди? Карл заглянул в комнатку Асада и в недоумении осмотрелся: ни фотографий престарелых тетушек, ни молитвенного коврика, ни коробок с сахарным печеньем. Даже лампы выключены.

Карл прошел по коридору и включил свет в своем кабинете. Уютные владения, где он уже раскрыл три дела из пяти. Место, где не действовал запрет на курение и где все старые дела, находящиеся на рассмотрении отдела «Q», в целости и сохранности были аккуратно разложены по трем стопкам согласно непогрешимой системе Карла.

И тут он замедлил шаг, увидев перед собой совершенно неузнаваемый полированный стол. Ни пятнышка. Ни клочка бумаги. Ни единого плотно исписанного листа, на который так приятно положить уставшие ноги и который затем можно выбросить в мусорное ведро. Ни одного файла. Словом, все будто ветром сдуло.

– Роза! – закричал он настойчиво.

Крик огласил пустой коридор. Карл почувствовал себя Палле<sup>1</sup>, который остался один на целом свете. Последним живым человеком, петухом, лишенным курятника. Королем,

---

<sup>1</sup> Главный герой рассказа датского писателя Йенса Сигсгорда «Палле один на свете». – *Здесь и далее, кроме специально отмеченных, примечания переводчика.*

готовым отдать свое царство за коня<sup>2</sup>. Он схватил телефон и набрал номер Лизы, работающей на третьем этаже в отделе по расследованию убийств.

Прошло секунд двадцать пять, прежде чем трубку сняли.

– Секретариат, отдел «А», – произнес голос фру Сёренсен, самой ненавистой Карлу сотрудницы.

Это была волчица Ильза<sup>3</sup> собственной персоной.

– Фру Сёренсен, – по-кошачьи мягко произнес Карл. – Это Карл Мёрк. Я сижу здесь в абсолютном одиночестве. Что случилось? Вы не знаете, где Асад и Роза?

Ей потребовалась какая-то доля секунды на то, чтобы бросить трубку. Вот паразитка.

Карл встал и направился к месту дислокации Розы чуть дальше по коридору. Возможно, там он разгадает тайну исчезнувших материалов. Эта мысль казалась ему вполне логичной, пока он не обнаружил, что на стене между кабинетами Асада и Розы висят штук десять мягких оргалитовых плит с прикрепленными к ним делами, которые две недели назад лежали на его столе. Стремянка из полированной листовницы отмечала место, где было прикреплено последнее дело. Как раз одно из двух, которые им пришлось бросить. Уже второе подряд нераскрытое.

Карл отступил назад, чтобы получше рассмотреть картину

---

<sup>2</sup> Отсылка к пьесе У. Шекспира «Ричард III» («Коня, коня! Мое царство за коня!») – *Ред.*

<sup>3</sup> Главная героиня эротического фильма «Ильза, волчица СС» (1975, США).

бумажного ада. Что, черт возьми, делают его бумаги на этой стене? Асад и Роза совсем сошли с ума? И этих придурков просто выставили?

А что еще можно подумать?

На третьем этаже обстановка была такая же. Никого. Даже место фру Сёренсен за стойкой зияло пустотой. Кабинет начальника отдела по расследованию убийств. Кабинет заместителя. Кухня. Комната совещаний. Везде пусто.

«Что за чертовщина? – подумал Карл. – Может, была угроза взрыва? Или реформа полиции зашла настолько далеко, что сотрудников выгнали на улицу, а здание выставили на торги? Неужели новый министр юстиции рехнулся? А TV2 разогнали?»

Он почесал в затылке, снял трубку и позвонил охранникам:

– Карл Мёрк на проводе. Куда подевались все люди?

– Большинство на собрании в Мемориале.

– В Мемориале?! До девятнадцатого сентября еще больше чем полгода. Зачем? Сегодня ведь не годовщина интернирования датской полиции!<sup>4</sup> Так что они там забыли?

– Глава полиции пожелал обсудить с несколькими отделами подробности реформы. Извини, Карл, мы думали, ты в курсе.

– Но я только что говорил с фру Сёренсен...

---

<sup>4</sup> 19 сентября 1944 г. немецкие оккупационные власти расформировали, разоружили и интернировали весь состав датской полиции.

– Видимо, она переадресовала звонки на свой мобильный.

Карл покачал головой. Всю жизнь они были недоумками. Не успел он переступить порог управления, как министр юстиции придумал что-то новенькое.

Мягкое кресло начальника отдела по расследованию убийств так и манило. Здесь, по крайней мере, можно побыть с закрытыми глазами без свидетелей.

Через десять минут Карл проснулся оттого, что шеф положил ему руку на плечо. Открыв глаза, Карл увидел перед собой смеющиеся глаза Асада, заглядывающего ему в лицо. Все, спокойствие кончилось.

– Идем, Асад, – он привстал с кресла, – живо пошли в подвал срывать бумаги со стены. Понял меня? Где Роза?

Асад покачал головой:

– Мы не можем, Карл.

Мёрк поднялся и оправил рубашку. Что Асад имеет в виду? Конечно, они сейчас пойдут и сорвут. Разве не Карл решает, что делать?

– Идем. И Розу захвати. Сейчас же!

– Подвал закрыт, – пояснил заместитель начальника Ларс Бьёрн. – Осыпается асбест из изоляции труб. Приходили из инспекции по контролю за соблюдением условий труда. Такие вот дела.

Асад закивал:

– Да, нам пришлось отнести вещи наверх. И нам тут не очень нравится. Но зато мы нашли отличное кресло для те-



бя, – добавил он, словно это известие могло утешить. – Да, остались только мы вдвоем. Роза не хочет сидеть наверху, так что она решила продлить себе выходные, но чуть позже подойдет.

Наверное, такой же эффект можно было произвести, пнув Карла в самую болезненную часть тела.

Она сидела, уставившись на зажженные свечи, пока те не догорели и ее не окутала тьма. Муж и прежде много раз оставлял ее в одиночестве, но только не в годовщину свадьбы.

Глубоко вздохнула и встала. Она уже не замирала у окна в ожидании. Не писала его имя на стекле в образовавшемся от ее теплого дыхания круге.

Когда они начали встречаться, ее предостерегали. Подруга выражала сомнения, мать высказывалась прямо. Он был слишком стар для нее. В его глазах сидели злые занозы. Человек, на которого нельзя положиться. Поступки которого нельзя предугадать.

Поэтому она уже очень давно не виделась с матерью и подругой. От этого усиливалось отчаяние, потребность в них стала огромной, как никогда.

С кем ей поговорить? Рядом никого не осталось.

Она смотрела на пустые прибранные комнаты, поджав губы, на глаза наворачивались слезы.

Услышав, что ребенок зашевелился, она взяла себя в руки. Вытерла нос и сделала два глубоких вдоха. Если муж ей изменяет, пускай и он на нее не рассчитывает. В жизни столько всего интересного!

Муж проник в спальню беззвучно, лишь тень на стене раз-

облачила его. Широкие плечи, открытые объятия. Он лег и привлек ее к себе, не говоря ни слова. Теплый и нагой.

Она ждала нежных слов и исчерпывающего объяснения. Боялась еле уловимого запаха другой женщины и отяжеленного муками совести промедления, но вместо этого он схватил ее, грубо повернул и в порыве страсти сорвал с нее одежду. Луна освещала его лицо и разжигала ее страсть. Теперь время ожидания, разочарований, тревог и сомнений ушло прочь.

Последний раз он был таким шесть месяцев назад.

Слава богу, это случилось снова.

– Дорогая, тебе придется смириться с тем, что я уеду на некоторое время, – погладив малыша по щеке, неожиданно объявил он за завтраком, так непринужденно, словно речь шла о какой-то ерунде.

Она на мгновение нахмурилась и поджала губы, чтобы подавить в себе намерение задать очевидный вопрос, затем положила вилку на тарелку и уставилась на омлет с кусочками бекона. Ночь была долгой, и все еще всплывала приятным ощущением в области живота, воспоминаниями о завершающих ласках и теплых взглядах и до сего момента заставляла забыть о времени и пространстве. Но только до сего момента. Потому что теперь в комнату пробралось бледное мартовское солнце, как непрощенный гость, и ясно осветило данность: муж куда-то собрался. Опять.

– Почему ты не можешь раскрыть мне, чем занимаешься?

Я твоя жена. Я никому не скажу.

Его рука с вилкой застыла в воздухе. Взгляд омрачился.

– Нет, в самом деле, – продолжала она. – Сколько мне ждать, что ты снова будешь таким, как этой ночью? Мы вновь пришли к тому, что я понятия не имею, что ты делаешь и где находишься мыслями, когда сидишь здесь.

Он взглянул на нее проницательно:

– Разве ты не знала с самого начала, что я не могу говорить о своей работе?

– Знала, но...

– Вот пускай так и будет.

Он положил вилку с ножом на тарелку и повернулся к сыну, изобразив некое подобие улыбки.

Она дышала медленно и глубоко, но ее переполняло отчаяние. Это правда. Задолго до свадьбы он дал понять, что у него есть задания, о которых нельзя говорить. Возможно, тогда он намекнул на какую-то связь с разведкой – точно она уже не помнила. Однако, насколько ей было известно, люди, находящиеся на службе в разведке, вне работы живут вполне нормальной жизнью, а вот ее семейную жизнь никак нельзя назвать нормальной. Если, конечно, разведчики столь же усердно не тратят время на альтернативные задания вроде супружеской измены, ибо в ее понимании все сводилось именно к этому.

Она собирала тарелки и размышляла, не предъявить ли ему ультиматум прямо сейчас, пусть даже рискуя вызвать его

гнев. И хотя она опасалась его гнева, но реальных последствий пока не представляла.

– Так когда я увижу тебя снова? – спросила она.

Он с улыбкой посмотрел на нее:

– Думаю, что вернусь к следующей среде. Работа займет восемь-десять дней.

– Хорошо, вернешься как раз к своему турниру по боулингу, – язвительно заметила она.

Он встал и прижался к ее спине своим огромным телом, обхватив руками под грудью. Когда-то, чувствуя его голову на своем плече, она начинала трепетать. Но теперь отстранилась.

– Да, – сказал он, – я действительно успею вернуться к турниру. Так что совсем скоро мы с тобой освежим в памяти события минувшей ночи. Договорились?

После того как он ушел и стих звук автомобиля, она еще долго стояла, скрестив руки, рассеянно озираясь. Одно дело – жить в одиночестве. И совсем другое – не иметь ни малейшего понятия о том, во имя чего ты должен платить слишком высокую цену. Шанс уличить такого человека, как ее муж, в какой-либо форме обмана был минимальным, и она это знала, хотя никогда и не пыталась. Он был осторожным человеком, это подтверждала вся их совместная жизнь. Пенсии, страховки, проверка дверей и окон, чемоданов и дорожных сумок, всегдашний порядок на столе – и никогда ни единого клочка бумаги или забытой квитанции

в кармане или в ящике стола. Он был человеком, который не оставляет после себя лишних следов. Даже его запах ощущался не больше пары минут после того, как он покидал помещение. И как же уличить его в измене? Разве что нанять частного детектива, но откуда взять на него деньги?

Она выпатила нижнюю губу и медленно выдохнула. Этот жест всегда предшествовал принятию ею важного решения. Прыжку через самую высокую перекладину, выбору платья на конфирмацию... Да, озвученному согласию выйти за него замуж, а теперь выходу на улицу. Ей нужно было проверить, не окрасится ли жизнь в иные краски при мягком естественном свете.

Скажем прямо: сержант Дэвид Белл любил выезжать за город, усаживаться на берегу и созерцать, как волны разбиваются о выступающие из воды скалы. Далеко-далеко у деревушки Джон-О'Гротс, самой северной точки Шотландии, где солнце светит совсем мало, но потому еще прекраснее. Здесь добродушный толстяк Дэвид родился, здесь же он и умрет, когда придет час.

Дэвид был прямо-таки создан для неистового океана. Так почему же он влачил жалкое существование на шестнадцать миль южнее, в полицейском участке на Банкхэд-роуд в городе Вик? Нет, ленивый портовый городок ничего не имел против Дэвида.

Именно поэтому начальство отправляло в северные деревеньки именно его, когда необходимо было прекратить какие-либо беспорядки. И Дэвид приезжал туда на служебном автомобиле и грозил возбужденным парням вызвать офицера из Инвернесса, и все успокаивалось. Здесь не желали, чтобы чужаки из города топтались во дворе, уж лучше лошадиная моча в «Оркней Скаллсплиттер»<sup>5</sup>. Было довольно обидно, что те, кто погружался на паром до Оркнея, проходили мимо.

---

<sup>5</sup> Марка шотландского пива. – *Ред.*

Но как только страсти были погашены, сержанта Белла ждали волны, и он с удовольствием проводил время, любуясь ими.

Если бы не хорошо известная всем любовь Дэвида Белла к созерцательности, то бутылка так и сгнула бы. Но сержант все-таки оказался в нужном месте в своей выглаженной форме; ветер теребил его волосы, фуражка лежала рядом на камне. В общем, нашлось кому извлечь бутылку из воды.

Вот так все и случилось.

Бутылка крепко застряла в траловой сети и слегка поблескивала, хотя со временем и поистерлась. Самый юный матрос на катере «Брю Дог» сразу заметил, что она не совсем обычная.

– Выкинь ее обратно в море, Симус, – крикнул шкипер, увидев внутри листок. – Такие бутылки приносят несчастье. «Бутылочная чума», так мы прозвали это явление. Дьявол скрывается в чернилах, он только и ждет, чтобы его освободили. Неужели ты не знаком с подобными историями?

Но юный Симус не знал никаких историй и предпочел передать бутылку Дэвиду Беллу.

Когда сержант наконец-то вернулся в участок, один из местных пьянчужек успел разгромить два кабинета; сотрудники уже утомились удерживать хулигана на полу. Вот почему Белл скинул пиджак, а бутылка выпала из кармана. И вот почему он поднял ее и поставил на подоконник. Белл собирался усмирить пьяного идиота, сев ему на грудь и слегка



перекрыв доступ воздуха. Но как известно, подлинный потомок викингов в Кейтнесе без борьбы не сдается. И пьянчужка так основательно отделал Дэвида Белла, что у того все мысли о бутылке растворились в четких голубых вспышках, которыми взорвалась его измученная нервная система.

А потому всеми забытая бутылка так и простояла долгое время на подоконнике в ярко освещенном солнцем углу. Никто не замечал ее, никого не волновало, что конденсат, образовавшийся вследствие солнечного света и скопившийся на стенках, не самым лучшим образом воздействует на бумагу, запрятанную внутри. Никто не взял на себя труд прочесть самую верхнюю строчку из полустершихся букв, а потому никто и не задумался, что конкретно подразумевалось под словом «ПОМОГИТЕ».

Бутылка вновь привлекла внимание только тогда, когда некий недоумок, решивший, что его несправедливо оштрафовали за неправильную парковку, начал распространять вирусы по внутренней компьютерной сети полицейских участков в Вике. В подобных ситуациях за помощью обычно обращались к эксперту по информационным технологиям Миранде Маккаллоу. И когда педофилы шифровали творимый беспредел, и когда хакеры замечали следы после осуществленных банковских операций, и когда грязные на руку представители государственных органов чистили свои жесткие диски, все начинали молиться именно на эту женщину.

Ее усаживали в офисе, сотрудники которого чуть не пла-

кали, и обслуживали так, словно она королева. Термосы с горячим кофе, распахнутые настежь окна и радио, настроенное на волну «Радио Шотландия». О да, Миранду ценили повсюду, где она появлялась.

Она заметила бутылку в первый же день своей работы: окно было открыто и занавески слишком развевались. «Какая хорошенькая бутылочка», – подумала Миранда, перелопачивая бессчетные столбцы цифр, скрывавших вредоносные коды, и сильно удивилась, обнаружив внутри какую-то тень. На третий день работы, вполне удовлетворенная результатами и уже догадываясь о том, вирусов какого типа можно ожидать в будущем, Миранда поднялась со своего места и подошла к подоконнику, чтобы взглянуть на бутылку, которая оказалась значительно тяжелее, чем можно было подумать. Да к тому же теплая.

– А что там внутри? – поинтересовалась она у сидевшей неподалеку секретарши. – Письмо?

– Понятия не имею, – последовал ответ. – Однажды ее поставил туда Дэвид Белл. Мне кажется, чисто для прикола.

Миранда осмотрела бутылку на свет. Кажется, на бумажке видны буквы. Сложно было разглядеть что-то из-за конденсата на внутренних стенках.

Она покрутила бутылку и слегка наклонила.

– А где этот Дэвид Белл? На службе?

Секретарша покачала головой:

– К сожалению, нет. Несколько лет назад его убили неда-

леко от города. Полиция преследовала угнанный автомобиль, и все закончилось весьма трагично. Ужасная история. Дэвид был милым парнем.

Миранда кивнула, почти не слушая. Теперь она была уверена, что на бумаге что-то написано. Но ее привлекло даже не это. Если внимательно посмотреть сквозь матовое стекло, то создавалось впечатление, что на дне образовалась коагулированная масса из воды и крови.

– Как вы думаете, можно мне забрать бутылку? У кого спросить?

– Спросите Эмерсона. Он несколько лет работал с Дэвидом. Он, скорее всего, разрешит. – Секретарша громко крикнула в сторону коридора: – Эй, Эмерсон! Зайди-ка на секунду.

Миранда поздоровалась. Это был добродушный парень крепкого телосложения с несколько печальным выражением лица, которое придавала ему линия бровей.

– Можно ли вам забрать это? Да конечно, ради бога. Я, по крайней мере, не хочу иметь к ней отношение.

– Вы о чем?

– Наверняка это пустые домыслы, но Дэвид получил бутылку незадолго до своей гибели и собирался ее откупорить. Ему отдал ее рыбак, паренек из родного городка Дэвида, а через несколько лет после этого катер вместе с тем самым мальчишкой и всем экипажем затонул, и Дэвид подумал, что ради паренька должен выяснить, что там внутри бутылки. Но

Дэвид погиб, так и не успев ничего предпринять, и это, наверное, дурной знак, правда? – Эмерсон покачал головой. – Так что забирайте ее поскорее, с этой бутылкой не связано ничего хорошего.

Тем же вечером Миранда сидела у себя в таунхаусе в пригороде Эдинбурга Грантоне и пристально рассматривала бутылку. Около пятнадцати сантиметров в высоту, голубоватая, слегка уплощенная, с довольно длинным горлышком. Похожа на флакон из-под духов, но великовата. Видимо, бутылка из-под одеколona и, вероятно, достаточно старая. Миранда постучала по ней. Изготовлена из толстого стекла. «Какую тайну ты в себе скрываешь, моя дорогая?» – улыбнувшись, произнесла Миранда, сделала глоток красного вина и принялась штопором отковыривать то, чем было закупорено горлышко. Этот комок состоял из некоей субстанции, пахнувшей смолой, однако длительное нахождение в воде привело к невозможности определить происхождение вещества.

Миранда попыталась выловить клочок бумаги, но он был ветхим и влажным. Затем перевернула сосуд и ударила по дну, однако бумажка не сдвинулась ни на миллиметр. Тогда она отнесла бутылку на кухню и пару раз обрушила на нее топорик для рубки мяса. Это помогло – бутылка разбилась на множество синих кристаллов, которые разлетелись по столу, как колотый лед.

Миранда посмотрела на листок, лежавший на разделоч-

ной доске, и нахмурилась. Она рассеянно смотрела на стеклянные осколки и глубоко дышала.

Возможно, это была не самая хорошая идея.

– Да, – подтвердил Дуглас, сотрудник технического отдела, – это кровь. Никаких сомнений. Ты верно определила. Кровь и сконденсировавшаяся влага въелись в бумагу характерным образом. Особенно вот здесь, где почти полностью стерта подпись. Ну да, цвет и характер впитывания совершенно типичные.

Он осторожно вытащил клочок пинцетом и снова посветил на него синим лучом. Следы крови по всей площади. Кровь высвечивается в каждой букве.

– Надпись сделана кровью?

– Несомненно.

– И ты, как и я, считаешь, что заглавная строчка содержит просьбу о помощи. По крайней мере, похоже на то.

– Да, я тоже так думаю. Однако сомневаюсь, что мы сможем восстановить что-то, помимо первой строки: письмо изрядно пострадало. Кроме того, ему, по-видимому, много лет. Теперь мы можем приступить к обработке и консервации, а затем, возможно, нам удастся восстановить время его написания. И конечно, его стоит показать эксперту-лингвисту, – вероятно, он сможет определить, на каком языке это написано.

Миранда кивнула. У нее уже была одна версия.

Язык, по ее предположению, был исландским.

– Карл, а к нам пожаловал главный специалист по условиям труда. – Роза стояла в дверях и не думала двигаться с места.

Возможно, она надеялась, что конфликтующие стороны разнесут друг друга в пух и прах.

Карл увидел невысокого роста мужчину в прилежно выглаженном костюме, он представился как Джон Студсгорд. Такой карлик, и столько власти! Если бы он не держал под мышкой плоскую коричневую папку, то вполне мог вызвать доверие. Доброжелательная улыбка, рука, протянутая для рукопожатия. Однако первое впечатление улетучилось, как только он открыл рот.

– При последней проверке в данном коридоре и в подвале были выявлены следы асбестовой пыли. Вследствие этого обстоятельства необходимо провести изоляцию трубы, чтобы сделать помещения пригодными для дальнейшей эксплуатации.

Карл поднял глаза к потолку. Чертова труба! Единственная на весь подвал и вся рассыпается.

– Смотрю, вы тут обустроили офис, – продолжил человек с папкой. – Надеюсь, вы действовали в соответствии с директивой полицейского управления и правилами пожарной безопасности?

Он собирался расстегнуть свою папку, так как наверняка припас бумажки с ответами на этот вопрос.

– Какой офис? – переспросил Карл. – Вы имеете в виду помещение для архива?

– Архив? – На мгновение мужчина растерялся, но затем продолжил наступление: – Я не знаю, как это у вас называется, но ясно вижу, что здесь сотрудники проводят большую часть рабочего времени за выполнением обязанностей, которые я бы прямо назвал трудовыми.

– Вас смущает кофемашина? Так мы ее уберем.

– Вовсе нет. Меня смущает все. Письменные столы, доски для записок, полки, вешалки, ящики с бумагами, канцелярские принадлежности, копировальные аппараты.

– Так! А вы знаете, сколько ступеней отсюда до третьего этажа?

– Нет.

– То-то. Может быть, вам также неизвестно, что наш отдел недоукомплектован и что мы потеряем половину рабочего времени, если будем скакать туда-сюда всякий раз, когда необходимо сделать какую-то копию для архива? По-вашему, видимо, лучше, если по улицам начнут разгуливать убийцы, чем мы будем просто выполнять свою работу?

Студсгورد намеревался возразить, но Карл пресек его попытку, подняв руку:

– Где асбест, о котором вы упомянули?

Мужчина нахмурился:



– Мы не обсуждаем где и как. Мы обнаружили загрязнение асбестом, а этот материал провоцирует возникновение раковых опухолей. Его невозможно просто взять и стереть половой тряпкой.

– Роза, ты присутствовала при проведении инспекции? – спросил Карл.

Она показала пальцем в дальний угол коридора:

– Они обнаружили какую-то пыль вон там.

– Асад! – Карл заорал так громко, что карлик отступил на шаг назад. – Идем, Роза, покажешь мне.

В это время Асад выскочил из своего кабинета.

– Асад, пошли. Возьми ведро, тряпку и свои чудесные зеленые резиновые перчатки. У нас есть задание.

Они прошли шагов пятнадцать по коридору, пока Роза не остановилась и не указала на какую-то белую порошкообразную пыль на полу.

– Вот! – констатировала она.

Человек из инспекции по охране труда протестовал и пытался объяснить, что действия Карла и Асада бесполезны, что это не устранил вреда, что здравый смысл и инструкции требуют удалить загрязнение регламентированным способом.

Последнее возражение Карл отклонил:

– Асад, отныне, смыв дерьмо, не забудь вызвать ассенизатора. Нам нужно возвести стену, которая отгородила бы загрязненную, по мнению инспекции, зону от нашего архива.

Мы ведь не хотим видеть возле себя этот хлам, правда?

Асад медленно покачал головой:

– Какое помещение ты только что имел в виду? Архив?..

– Асад, давай уже, мой. Этот человек спешит.

Чиновник одарил Карла враждебным взглядом.

– Мы с вами свяжемся. – Это было последнее, что сказал коротышка, устремившись по коридору и крепко прижимая к себе папку.

«Свяжутся они!» Да уж, можно себе представить.

– А теперь, Асад, объясни мне, в чем тайный смысл того, что мои дела висят на стене? Надеюсь, что это копии.

– Копии? Если ты хочешь, чтобы висели копии, я тут же их сделаю, Карл. И ты получишь копии всего, чего только пожелаешь. Я обещаю.

Карл чуть не поперхнулся:

– Ты что, хочешь сказать, что там болтаются подлинники моих дел?!

– Ну да. Но ты только взгляни на придуманную мной систему! Если она не кажется тебе великолепной, просто скажи. Все в порядке. Я не обижусь.

Карл не находил слов для ответа. Четырнадцать дней он отсутствовал на рабочем месте, а его подчиненные за это время успели свихнуться от вдыхания асбестовой пыли.

– Смотри, Карл. – Сияя от радости, Асад достал две катушки клейкой ленты.

– Ну да, вижу: ты раздобыл моток синей ленты и моток

красной ленты с белыми полосочками. Теперь ты сможешь перевязать кучу свертков с подарками к Рождеству, которое наступит через девять месяцев.

Асад стукнул его по плечу:

– Ха-ха, Карл. Отличная шутка. Теперь я тебя узнаю.

Карл покачал головой. Совсем невесело было думать о предстоящей отставке, все-таки до определенного возраста было еще далеко.

– Взгляни. – Асад оторвал кусочек от синей ленты, прилепил один ее конец к делу шестидесятих годов, а второй конец приладил к делу восьмидесятих годов. – Не правда ли, чудесно?

Карл соединил руки на затылке, словно пытаясь удержать голову на месте.

– Потрясающий шедевр, Асад. Жизнь Энди Уорхола<sup>6</sup> прожита не зря.

– Энди кого?

– И что ты сейчас сделал, Асад? Пытаешься связать эти два дела?

– Ну да, представляешь, если два дела действительно связаны, можно это просто увидеть. – Он снова показал на синюю ленту. – Вот тут! Синяя лента! – Он щелкнул пальцами. – Значит, эти дела могут быть связаны.

---

<sup>6</sup> Энди Уорхол (1928–1987) – американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, коллекционер, издатель журналов и кинорежиссер; культовая персона в истории поп-арт-движения и современного искусства в целом.

Карл глубоко вздохнул:

– Ага! Тогда я, кажется, догадываюсь, для чего нужна красная...

– Ну да, на тот случай, если мы доподлинно знаем, что дела связаны. Правда, отличная система?

Карл снова вздохнул:

– Правда, Асад. Однако в данный момент, кажется, у нас нет связанных между собой дел. И все же будет лучше, если они вернутся ко мне на стол, чтобы мы могли их просматривать, о'кей?

Это не было вопросом, тем не менее последовал ответ:

– Да, шеф, о'кей. – Асад стоял и переминался с пятки на носок в своих стоптанных ботинках «Экко». – Тогда я сейчас займусь копированием, верну тебе оригиналы и развешу копии.

Маркус Якобсен вдруг как-то постарел. В последнее время на его рабочем столе скопилось много дел. В первую очередь разборки криминальных группировок и эпизоды с перестрелками в Нёрребро и прилегающей округе, а также несколько странных пожаров – поджоги с огромными экономическими потерями и, к сожалению, с человеческими жертвами. Причем все они случились в ночное время. На прошедшей неделе Маркусу удавалось поспать в среднем часа три в сутки. Как бы то ни было, а нужно пойти ему навстречу.

– Что стряслось, босс? Зачем ты вызвал меня наверх? – поинтересовался Карл.

Маркус возился с начатой пачкой сигарет, бедняга. От этой привычки он так и не смог избавиться.

– Карл, я понимаю, что у нас на этаже твоему отделу отведено не слишком много места, но, строго говоря, я все-таки не могу позволить тебе сидеть в подвале. А теперь еще позвонили из инспекции по охране труда и сообщили, что ты отказался выполнять директиву их сотрудника.

– Маркус, все под контролем. Мы соорудим посреди коридора стену с дверью и так далее. Так что вся грязь окажется изолирована.

Глаза Маркуса округлились.

– Вот это я не желаю даже слушать, – заявил он. – А потому вы с Розой и Асадом вновь переберетесь сюда. Я не хочу разборок с контролирующим органом. Проблем и так хватает. Ты в курсе, в какой я сейчас ситуации? Только взгляни на это. – Он указал на новый крошечный экран на стене: TV2 как раз резюмировал последствия вражды группировок.

Требование разрешить похоронной процессии одной из жертв пройти по улицам Копенгагена привело к нешуточной перестрелке. Полиция должна разыскать виновных и устранить поднявшийся на улице переполох. Да уж, Маркуса Якобсена совсем придавили.

– Как только ты переселишь нас сюда, отдел «Q» перестанет существовать.

– Не шантажируй меня, Карл.

– И потеряешь восемь миллионов в год в виде грантов. Я не ошибаюсь, именно восемь миллионов было выделено отделу «Q»? Подумай хорошенько, сколько стоит бензин, заливаемый в то ржавое ведро, на котором мы потом ездим? Ах да, плюс, конечно, зарплата Розе, мне и Асаду. Восемь миллионов. Вдумайся еще разок.

Глава отдела по расследованию убийств вздохнул. Он находился между молотом и наковальней. Без этого гранта его собственный отдел лишится как минимум пяти миллионов в год. Хитроумное перераспределение. Чем-то напоминает коммунальную сферу. Своего рода легальный грабеж.

– Принимаю ваши предложения по решению вопроса. Заранее благодарю, – наконец сказал он.

– Так где ты рассчитывал нас посадить? – спросил Карл. – В туалете? У подоконника, где вчера сидел Асад? А может, у себя в кабинете?

– В коридоре есть место. – Было видно, что Маркус Якобсен напрягся, произнося эти слова. – В скором времени мы, вероятно, найдем другое место. Это ведь всегда предполагалось, Карл.

– Ладно, отличное решение, договорились. Но мы хотим получить три новых рабочих стола.

Карл спонтанно встал и протянул руку. Как-никак о чем-то договорились.

Начальник слегка отстранился.

– Минуточку, – сказал он. – Я чувствую в этом предложении какой-то подвох.

– Подвох? Вы закажете три лишних стола, а когда опять придут из инспекции по охране труда, я пришлю Розу, чтобы хоть как-то украсить пустующие стулья.

– Ни к чему хорошему это не приведет, Карл. – Маркус выдержал небольшую паузу. По-видимому, он сдался. – Но время покажет, как всегда говорит моя старая матушка. Присядь, Карл, у нас есть одно дело, на которое ты должен взглянуть. Помнишь коллег из шотландской полиции, которым мы помогали три-четыре года назад?

Карл неуверенно кивнул. Ох уж эти ужасные звуки волынки и запах хаггиса!<sup>7</sup> Только не это. Довольно того, что иногда приходится иметь дело с норвежцами. Но еще и шотландцы!..

– Мы посылали им несколько проб ДНК, взятых у задержанного в Вестре шотландца, ты помнишь. Это было дело Бака. Таким образом, они раскрыли дело об убийстве. Теперь они прислали нам кое-что новенькое. Точнее, посылка пришла от полицейского из Эдинбурга, его зовут Гильям Дуглас. В посылке письмо, которое они обнаружили в бутылке. Консультировавший их лингвист считает, что письмо, скорее всего, из Дании. – Он поднял с пола коричневую картонную коробку. – И хотят узнать наше мнение – как поступить

---

<sup>7</sup> Хаггис – национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов, рубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью, сваренных в бараньем желудке.

с делом, если нам удастся что-то обнаружить. Так что, Карл, вперед!

Маркус протянул Карлу коробку.

– И что мне с ней делать? – спросил Карл. – Может быть, передадим в Почту Дании?

Якобсен улыбнулся:

– Весьма остроумно, Карл. Так уж получается, что работники нашей почты не специализируются на раскрытии тайн; скорее уж, они их сами создают.

– У нас там, внизу, сейчас полно работы.

– Да-да, Карл, несомненно. Но все-таки изучите, это всего лишь маленькая вещица. К тому же она отвечает всем критериям отдела «Q»: старая, непонятная и никто не желает к ней притрагиваться.

«Еще одно из тех заданий, которые мешают мне прирасти к своему столу, – подумал Карл, спускаясь в подвал и прикидывая вес коробки. – Часом больше, часом меньше, это вряд ли каким-то образом отразится на дружественных отношениях между Данией и Шотландией».

– До завтра я управлюсь, Роза мне поможет, – заверил Асад.

Он держал в руках одно из дел и никак не мог вспомнить, в какой из трех стопок по системе Карла оно изначально лежало.

Карл был сердит. Картонная коробка из Шотландии в та-



моженной клейкой ленте стояла перед ним на столе и не предвещала ничего хорошего.

– Так у нас новое дело? – с интересом спросил Асад, приковав взгляд к коричневому параллелепипеду. – А кто открыл коробку?

Карл воздел указательный палец к потолку и проорал в коридор:

– Роза, иди уже наконец сюда!

Прошло пять минут, прежде чем она появилась. Сигналы доходили до нее с опозданием, и к этому уже привыкли.

– Роза, как ты смотришь на то, чтобы получить свое первое самостоятельное дело? – Карл деликатно подтолкнул к ней коробку.

Он не видел глаз Розы, скрытых под иссиня-черной челкой, но едва ли они светились от радости.

– Наверняка что-то насчет детской порнографии или торговле людьми. Я угадала, Карл? Что-то, к чему ты сам не хочешь прикасаться. Мой ответ – спасибо, нет. Если у тебя у самого не хватает духа этим заняться, пускай наш маленький погонщик верблюдов повозит эту грязь по манежному кругу. А у меня дел хватает.

Карл улыбнулся. Ни ругани, ни хлопанья дверями. Она практически в прекрасном настроении. Он вновь подпихнул коробку.

– Здесь письмо, которое долгое время пролежало в бутылке. Я его еще не видел. Мы можем хотя бы распаковать его

вместе.

Роза сморщила носик. Скептицизм был ее верным спутником.

Карл отстранил картонные закрылки, стряхнул пенопластовые шарики, выудил бумажную папку и положил ее на стол. Затем еще порылся в пенопласте и обнаружил пластиковый пакет.

– А тут что? – спросила она.

– Полагаю, осколки бутылки.

– Они ее разбили?

– Нет, просто слегка разобрали на части. А в папке находится инструкция, по которой можно вновь ее собрать. Плевое дело для столь ловкой и рукастой девушки, как ты.

Роза показала ему язык и прикинула вес пакета:

– Не очень тяжелый. Какого размера она была?

Карл протянул ей папку с делом:

– Сама прочитаешь.

Роза оставила коробку на столе и вышла в коридор. После этого наступило спокойствие. Через час рабочий день заканчивается. Он сядет на поезд до Аллерёда, купит по дороге бутылку виски и порадует Харди и себя – одному бокал с соломинкой, а другому с кубиками льда. Вечер обещает быть тихим.

Карл прикрыл глаза, но не успел подремать и десяти секунд, как перед ним возник Асад.

– Я кое-что обнаружил, Карл. Идем, покажу. Прямо здесь,

на стене.

«Душевное равновесие восстановится с окончанием рабочего дня», – подумал Карл, в каком-то изумлении опираясь о стену в коридоре, а Асад тем временем с гордостью тыкал в одну из копий, висевших на доске.

Карл заставил себя вернуться в реальность:

– Повтори, Асад. Я думал о чем-то другом.

– Я говорю, не кажется ли тебе, что начальнику отдела по расследованию убийств стоит немного поразмыслить вот об этом деле в связи с пожарами в Копенгагене?

Карл убедился, что твердо стоит на ногах, и посмотрел туда, куда указывал палец Асада. Дело четырнадцатилетней давности. Пожар в окрестностях озера Дамхус, одна жертва; возможно, поджог с целью убийства. Дело об обнаруженном трупе, настолько пострадавшем от огня, что ни время смерти, ни пол, ни даже ДНК не могли быть установлены. Еще больше усложнял дело тот факт, что не было никаких сведений о пропавших без вести лицах, которых можно было соотнести с трупом. В конце концов дело было прекращено. Карл прекрасно это помнил. Одно из дел Антонсена.

– Асад, а почему ты думаешь, что оно имеет какое-то отношение к пожарам, бесчинствующим сейчас?

– Бесчинствующим?

– Происходящим сейчас.

– Потому! – воскликнул Асад и указал на детализированную фотографию скелетных останков. – Это небольшое

углубление на кости маленького пальца. Об этом есть кое-какая информация и вот тут. – Он открепил от доски папку и извлек страницу отчета. – Вот описание: «Как будто долгие годы на палец было надето кольцо, – говорится здесь, – углубление по всей окружности».

– Ну и?

– Но на маленьком пальце, Карл!

– И что?

– Я просматривал дела наверху, в отделе «А», и понял, что все началось с обнаружения после первого пожара трупа, у которого маленький палец вообще отсутствовал.

– Ладно. Это называется «мизинец» – понял? Одно слово, Асад.

– Да, а после второго пожара у погибшего мужчины обнаружили канавку на маленьком пальце. Такую же, как и здесь.

От изумления брови Карла поползли вверх.

– Думаю, тебе стоит пойти на третий этаж и доложить шефу отдела по расследованию убийств все то, что ты сейчас рассказал мне.

Асад просиял:

– Я бы ни за что не заметил, если бы фотография все это время не висела на стене на уровне моего носа. Забавно, правда?

Кажется, непроницаемая броня иссиня-черного высокомерия Розы дала небольшую трещину. По крайней мере, она

не швырнула материалы нового дела Карлу на стол, а сначала отодвинула пепельницу и бережно, почти благоговейно положила письмо на столешницу.

– Почти ничего невозможно прочитать, – сказала она. – Очевидно, написано кровью и постепенно кровь растворилась в сконденсировавшейся влаге и въелась в более глубокий слой бумаги. К тому же буквы довольно коряво написаны. Зато легко различить заголовок. Смотри, какой он четкий. «Помогите» – написано наверху.

Карл нехотя наклонился и взглянул на то, что осталось от печатных букв. Возможно, когда-то бумага была белой, но теперь приобрела коричневый оттенок. Во многих местах недоставало небольших фрагментов по периметру – вероятно, они были утрачены, когда письмо после своего морского путешествия было наконец развернуто.

– Какие исследования были проведены, есть какая-то информация об этом? Где обнаружено? Когда?

– Они нашли бутылку практически у самых Оркнейских островов. Она застряла в рыболовной сети. Говорят, в две тысячи втором.

– В две тысячи втором?! То есть они явно не спешили передать его дальше.

– Бутылку забыли на подоконнике. Потому-то внутри и образовалось столько конденсата. Она стояла прямо на солнце.

– Шотландские недоумки, – проворчал Карл.

– К письму прилагается довольно бесполезный ДНК-профиль. Также есть несколько ультрафиолетовых снимков. Они постарались подготовить письмо как можно лучше. Смотри-ка, вот попытка пословной реконструкции содержания письма. Здесь можно кое-что прочитать.

Карл посмотрел на фотокопию и не озвучил реплику о шотландских идиотах. Ибо, сравнив оригинал письма с более яркой и тщательно проработанной попыткой реконструкции текста, нельзя было не впечатлиться.

Карл смотрел на письмо. Вероятно, на протяжении столетий многие люди пленялись идеей отправить сообщение в бутылке, которое извлекут и прочтут на другом конце земного шара. Они желали таким образом дать жизнь новой удивительной истории. Но только не в этом случае. Данная ситуация была ужасающе серьезной. Тут не ребячья шалость, ради которой бутылка была пущена в увлекательное плавание, никакой гармонии и синего неба над головой. Это письмо было именно тем, за что его принимали.

Отчаянным призывом о помощи.

Когда он уезжал из дому, вся обыденная жизнь оставалась позади. Он ехал двадцать километров на север от Роскилле к захолустной ферме, расположенной примерно посередине между их жилищем и домом на фьорде, вывозил из сарая фургон, парковал вместо него «мерседес». Отпирал дверь, наскоро принимал ванну и тонировал волосы, переодевался, минут десять стоял у зеркала, готовясь к выходу, в шкафах отыскивал все необходимое и затем, взяв багаж, направлялся к светло-синему «пежо-партнер», на котором осуществлял задуманное. Автомобиль был лишен каких-то особых примет – не слишком большой, не слишком маленький, номера не так чтобы жутко грязные, но плохо читаемые. Абсолютно анонимное транспортное средство, зарегистрированное на имя, которое он присвоил себе, когда приобретал ферму. Естественно, с определенной целью.

И вот он полностью готов.

Интернет предоставлял ему необходимую информацию о потенциальных жертвах через государственные архивы, способы доступа к которым он изучил за прошедшие годы. У него было при себе много наличных. На заправокных станциях и при въезде на мосты он расплачивался средними купюрами, а потому ему всегда удавалось избежать внимания камер видеонаблюдения. Он старался держаться подальше

от всего необычного.

В этот раз его интересовала Центральная Ютландия. Здесь сконцентрировалось множество религиозных сект, к тому же прошло уже несколько лет с его последней поездки в этот район. Да, он сеял смерть и не забывал об осторожности.

Какое-то время он наблюдал, но, как правило, ограничивался несколькими днями на одном и том же месте. В первый раз остановился у женщины в Хадерслеве, в последующие разы его приютила женщина в небольшом городке под названием Лённе. А потому риск оказаться узнанным в Виборгском округе, довольно отдаленном от этих населенных пунктов, был ничтожно мал.

Он выбирал между пятью семьями. Две из них являлись приверженцами Свидетелей Иеговы, одна семья христиан-евангелистов, еще одна – последователи Хранителей Греха и последователи Церкви Матери Божией. Он склонялся к последней и приехал в Виборг около восьми вечера. Возможно, слишком рано, учитывая размеры этого города; но никогда не знаешь наперед, что может случиться.

Критерии для заведений, где он подыскивал себе женщин, у которых можно было бы поселиться, оставались всегда одни и те же. Не слишком маленький и не слишком запущенный бар, расположенный за пределами района, где все друг друга знают, не слишком облюбованный постоянными клиентами, привлекательный для одинокой женщины опреде-



ленного типа в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти пяти. Первое заведение, «Йулес-бар», оказалось чересчур тесным и мрачным, там было слишком много пивных бутылок и игровых автоматов. Следующий бар оказался поприличнее. Небольшой танцпол, несколько посетителей. То, что надо, если бы не гей, сразу примостившийся на ближайший стул. Даже если удастся найти здесь подходящую женщину, этот красавец, несмотря на вежливый отказ, несомненно запомнит его, а это нарушает планы.

Лишь с пятого раза он нашел то, что искал. Даже надписи над барной стойкой подтверждали правильность выбора. Изречения «Кто больше молчит, тот сильнее кусает», «Снаружи хорошо, а в „Терминале“ лучше» и особенно «Лучшие души города обитают здесь» задавали нужный тон.

Итак, бар «Терминал» на улице под названием Могильная, одиннадцать вечера, но народ разгорячен пивом «Ханкок хойкер» и местным роком. Вот этих-то посетителей он и попробует на вкус до закрытия бара.

Он выбрал отнюдь не юную женщину, сидевшую у входа в зал с игровыми автоматами. Когда он вошел, она в одиночестве танцевала на крошечном танцполе, размахивая руками. Весьма приличная, не самая легкая добыча. Она затеяла серьезную охоту. Из разряда желающих познакомиться с мужчиной, на которого можно положиться. С тем, кто достоин просыпаться рядом с ней на протяжении всей оставшейся жизни. И она не рассчитывала найти его здесь. Она

пришла сюда с подругами по работе после утомительной смены, именно так. Это было понятно сразу. Именно то, что требовалось.

В кабинке для курения стояли две ее фигуристые коллеги, то и дело вертелись и хихикали. Публика неравномерно рассредоточилась за столиками. Видимо, посетители полностью менялись за небольшой временной интервал. В любом случае, как он успел понять, окружающие едва ли смогли бы описать его сколько-нибудь подробно.

Он пригласил ее на танец после пятиминутного общения. Она оказалась не сильно пьяной. Хороший знак.

– Говоришь, ты не из этих краев, – сказала она. – Что же ты делаешь в Выборге?

От нее приятно пахло, ее взгляд был твердым. Легко можно было догадаться, что именно она желала услышать в ответ. Ему следовало сказать, что он приезжает в этот город довольно часто. Что Выборг ему нравится. Что у него хорошее образование и он одинок. Вот это все он и выдал. Спокойно, тихо, по порядку. Да он сказал бы все что угодно, лишь бы сработало.

Спустя два часа они лежали в ее постели. Она – более чем удовлетворенная, а он уверенный в том, что сможет прожить здесь несколько недель, прежде чем она начнет задавать ему навязчивые вопросы. Действительно ли она ему нравится? Настроен ли он на серьезные отношения?

Он старался не пробуждать в ней лишние надежды. Дер-

жался застенчиво, так что она не могла догадаться, из каких глубин личности появляются на свет его запоздалые ответы.

Наутро он встал в половине шестого, как и планировал, привел себя в порядок, осторожно покопался в ее вещах, кое-что разузнав о ней, прежде чем она начала потягиваться в постели. Разведена, как ему уже было известно. Взрослые дети, давно покинувшие родительский дом. И, само собой разумеется, сравнительно приличная и вполне ответственная должность в коммуне, которая, конечно же, отбирала у нее все силы. Ей было пятьдесят два года, и к настоящему моменту она оказалась готова ввергнуть свою жизнь в пучину приключений.

Прежде чем поставить поднос с кофе и тостами на постель, он приоткрыл шторы, чтобы она могла оценить его улыбку и свежий вид.

Затем она крепко прижалась к нему. Чувственно-уступчиво, и даже ямочки на щеках проступали отчетливее, чем прежде. Она погладила его по щеке и хотела поцеловать шрам за ухом, но не успела: он взял ее за подбородок и задал вопрос:

– Мне лучше разместиться в отеле «Палас» или вечером снова прийти к тебе?

Ответ был дан. Она снова нежно приникла к нему и сказала, где лежит ключ, а потом он отправился к фургону и покинул квартал таунхаусов.

Выбранная им семья имела возможность срочно заплатить миллионный выкуп, который он намеревался у них потребовать. Возможно, им придется продать акции, несмотря на то что сейчас не самое подходящее для этого время, но зато эта семья в высокой степени консолидирована. Несомненно, кризисный период затруднял осуществление такого рода преступлений, однако, если отнестись к выбору жертв с особой тщательностью, всегда можно найти выход. Во всяком случае, он рассчитывал, что эта семья не только платежеспособна, но и с готовностью удовлетворит его требование, сделав это без лишней огласки.

Он хорошо изучил эту семью. Посетил их общину, после службы осторожно пообщался с родителями. Выяснил, сколько времени они являются членами секты, каким образом сформировалось их состояние, сколько у них детей и как их зовут, а также в общих чертах ознакомился с их распорядком дня.

Семья жила на окраине Фредериксунна. Пятеро детей в возрасте от десяти до восемнадцати лет. Все живут вместе и являются активными членами Церкви Матери Божией. Двое старших посещают гимназию в Виборге, остальные на домашнем обучении у матери, бывшей учительницы из «Твинда»<sup>8</sup>. Ей уже за сорок, при отсутствии иных жизненных интересов она посвятила себя Богу. Именно она заправляла в доме, захватив светскую и духовную власть. Муж на два-

---

<sup>8</sup> «Твинд» – скандально известная радикальная датская секта.

дцать лет старше ее, это один из самых успешных коммерсантов в районе. Как и все приверженцы секты, он жертвовал половину дохода в пользу Церкви Матери Божией, и, несмотря на это, денег оставалось немало. Все дело было в машинопрокатной станции – настоящий клондайк. Зерно продолжало давать всходы, даже когда банки заходили в тупик.

Единственная проблема заключалась том, что второй сын, чья кандидатура была приоритетной, начал ходить на карате. Не то чтобы парнишка был способен представлять серьезную угрозу, но все-таки мог отсрочить выполнение плана.

А тут все дело именно в четких сроках, если начинало пахнуть жареным. Всякий раз.

Если не брать в расчет этот факт, в остальном второй сын и средняя дочка, четвертый ребенок по счету, обладали всеми качествами, необходимыми для успеха задуманного. Инициативные и более одаренные, чем другие дети. Явно любимчики матери. Как и все, они были приверженцами Церкви Матери Божией и в то же время зачастую имели склонность к бунту. Такие либо однажды занимают высшие посты в общине, либо подвергаются ostracism. Верующие и в то же время жизнерадостные. Идеальное сочетание.

Возможно, они были похожи на него, каким он и сам когда-то был.

Он припарковал фургон в некотором отдалении от изгороди, среди деревьев, и сидел, наблюдая за детьми в бинокль, когда в перерывах между домашними уроками они игра-

ли в саду рядом с фермой. У девочки, которую он выбрал, очевидно, было что-то припрятано под деревьями. Что-то не предназначенное для чужих глаз. Она стояла на коленях в высокой траве, поодаль от других, и копошилась там. Очередное подтверждение того, насколько верен оказался его выбор.

Она делает что-то, чему не придают значения ее мать и предписания Церкви Матери Божией. Господь всегда подвергает испытанию лучшую овцу в стаде, и эта Магдалена, двенадцатилетний подросток, не является исключением.

Он провел еще несколько часов в фургоне, откинувшись на спинку сиденья и наблюдая за фермой, своими очертаниями выдававшейся в Стангхеде.

Бинокль помог ему хорошо изучить модель поведения девочки. Всякий раз, когда наступал очередной перерыв, она большую часть времени проводила в углу сада в одиночестве, а как только мать звала на следующий урок, что-то старательно прикрывала.

Девочке-подростку из семьи, посвятившей себя Церкви Матери Божией, надо соблюдать множество всяких правил. Танцы, музыка, любые печатные издания, помимо собственных брошюр секты, алкоголь, общение с лицами, не принадлежащими к этой церкви, домашние животные, телевизор, Интернет – все под запретом, и наказание за нарушение запретов грозит суровое – изгнание из семьи и из общины.

Он уехал, прежде чем два старших сына вернулись домой.

Теперь он понял, что семья вполне подходит, и собирался еще раз пройтись по счетам фирмы и налоговым декларациям отца. Следующим утром он вновь приедет сюда, в укромное местечко у изгороди, и еще понаблюдает за поведением детей.

Скоро путь назад будет отрезан, и эта мысль ему доставляла удовольствие.

Ее звали Исабель – женщину, приютившую его, но она едва ли соответствовала своему экзотичному имени. Шведские детективы на полках, диски Анны Линнет<sup>9</sup>. Такая не съедет на обочину с прямой дороги.

Он взглянул на часы. Она может вернуться домой через полчаса. А значит, есть время проверить, не поджидают ли его неприятные сюрпризы. Он сел за письменный стол, включил ее ноутбук и немного поворчал, когда на экране возник запрос пароля. Сделав шесть-семь неудачных попыток, он приподнял пластиковую подложку, под которой обнаружил маленькую бумажку со всевозможными паролями – от аккаунта на сайте знакомств и интернет-банкинга до электронной почты. И тут ничего неожиданного. Такие, как она, преимущественно пользуются датами рождений, именами детей или собак, номерами телефонов или простым рядом чисел, чаще всего нисходящим, и предпочитают на всякий

---

<sup>9</sup> *Анна Линнет* (р. 1953) – датская певица, музыкант, композитор и писательница. – *Ред.*

случай записывать пароли. В редких случаях листок лежал на расстоянии более полуметра от клавиатуры. Ведь вставить лишний раз никому не хочется.

Он зашел в раздел переписки на сайте знакомств и с удовлетворением констатировал, что в его лице она нашла мужчину, которого искала уже давно. Возможно, несколькими годами младше, чем рассчитывала, но какая женщина будет против такого недостатка?

Он просмотрел список контактов в «Аутлук-экспресс». Одно имя чаще других встречалось в почтовых папках. Его звали Карстен Йонссон. Брат или бывший муж, не так существенно. Гораздо важнее, что адрес принадлежал домену politi.dk. «Этого только не хватало», – подумал он.

Когда придет время, нужно будет остерегаться насильственных действий, а вместо этого говорить в ее адрес ругательства и разбрасывать повсюду грязное белье, ведь именно подобное поведение в ее анкете на сайте знакомств было описано как неприемлемое в партнере.

Он взял небольшую флешку фирмы «Blue Tinum» и воткнул ее в USB-порт; «Скайп», гарнитура, адресная книга – все в одном. Набрал номер мобильного телефона своей жены.

В это время она обычно ходила по магазинам. Неизменно. Он попросит ее купить бутылку шампанского и положить в холодильник.

После десятой попытки он нахмурился. Раньше такого ни-



когда не случилось, чтобы она не отвечала. Если жена и была к чему-то привязана, так это, несомненно, к мобильнику.

Он снова набрал номер. И опять тщетно.

Он уставился в клавиатуру, лицо его начинало гореть.

Ей придется подыскать действительно хорошее объяснение. Ибо, если вдруг обнаружатся прежде неведомые ему стороны ее личности, ему придется открыть ей новые грани своей.

А этого он ей не пожелал бы.

– Да, должен сказать, что наблюдение Асада послужило для нас поводом к размышлениям, Карл, – признался начальник отдела по расследованию убийств, накидывая на плечи кожаную куртку.

Спустя десять минут он будет изучать пятно крови на углу одной из улиц в Северо-Западном квартале, оставшееся после ночной перестрелки. Карл не завидовал ему.

Мёрк кивнул:

– То есть вслед за Асадом ты считаешь, что существует связь между пожарами?

– Одинаковые углубления на фалангах мизинцев у жертв двух пожаров из трех. Да, это определенно заставляет задуматься. Но давай не будем торопиться. В данный момент материал находится на судебно-медицинской экспертизе, так что скоро они дадут ответ. Но вот нос, Карл...

Он слегка коснулся характерной выдающейся части своего лица. Не многие носы в истории человечества совались в такое огромное количество нечистых дел. Да, Асад и Якобсен явно правы. Тут прослеживалась связь. Карл и сам это видел.

Он немного повысил градус бодрости в своем голосе, что в начале одиннадцатого утра было нелегко сделать:

– Так, значит, если я верно понял, мы передаем дело вам.

– Да, пока да, – ответил Якобсен.

Карл кивнул и направился напрямиком в подвал, где поместил старое дело о пожарах как закрытое для отдела «Q».

Лишь бы приукрасить статистику.

– Карл, иди сюда. Роза кое-что хочет тебе показать. – Голос Асада прогремел так, словно целая стая обезьян-ревунов с Борнео захватила подвальный этаж.

Асад явно не страдал катаром горла. Он стоял, широко улыбаясь, с несколькими ксерокопиями в руках. Насколько Карл мог судить, это были увеличенные фрагменты какого-то изображения, которое в лучшем случае можно было назвать нечетким.

– Смотри, что она придумала.

Асад указал вглубь коридора на перегородку, только что выстроенную рабочим для защиты от асбестовой пыли. И сама перегородка, и дверь в ней были сплошь оклеены множеством страничек ксерокопий, тщательно скрепленных в одно целое. Если бы кому-нибудь понадобилось пройти за перегородку, ему пришлось бы воспользоваться ножницами.

Даже с десятиметрового расстояния было понятно, что это гигантская копия письма из бутылки.

«ПОМОГИТЕ» – гласила надпись посреди подвального коридора.

– Всего шестьдесят четыре листа формата А4. Здорово, правда? Я как раз несу пять последних. Двести сорок в вы-

соту и сто семьдесят в ширину. Много, да? Правда, она просто суперумная?

Карл приблизился на пару метров, Роза наклонилась к нижнему углу полотна, выпятив попку, чтобы прикрепить принесенные Асадом страницы.

Сначала Мёрк посмотрел на попку, а затем на полотно. Многократное увеличение изображения имеет свои преимущества и недостатки, сразу понятно. Участки, где буквы вьелись в бумагу, оказались невероятно размытыми, а вот другие области, изначально с практически нечитаемыми буквами, которые шотландские реставраторы попытались восстановить, вдруг обрели какой-то смысл.

Короче говоря, теперь открылось как минимум двадцать дополнительных букв, их можно было прочесть.

Роза на секунду обернулась к Карлу, проигнорировав его приветственный жест, и выдвинула стремянку в центр коридора.

– Залезай, Асад. Теперь я скажу, где расставить точки, ладно?

Она мягко отодвинула Карла в сторону и заняла ровно то место, где он только что стоял.

– Не очень нажимай, Асад. Чтобы можно было стереть.

Тот кивнул со стремянки, приготовив карандаш.

– Начни с «Помогите» перед «ен». Мне кажется, я вижу там три отдельных пятна. Ты согласен?

Асад и Карл смотрели на пятна, напоминающие фиолето-

вые барашки-облака.

Наконец Асад кивнул и поставил по точке у каждого из трех пятен.

Карл отодвинулся чуть в сторону. Похоже на правду. Под четким заглавным словом «Помогите» действительно располагались три расплывчатых пятна, предшествовавших двум видимым буквам. Морская вода и конденсат сделали свое дело. Три буквы, написанные кровью, давным-давно растворились и впитались в бумажную массу. Знать бы, какие именно...

Мёрк мгновение наблюдал за тем, как Роза руководила Асадом. Утомительное занятие. Ну и к чему все это приведет? К бесконечным часам гаданий. И ради чего? Бутылке может быть несколько десятков лет. И вообще, что, если это всего лишь чья-то грубая шалость? Буквы казались настолько беспомощными, словно были написаны детской рукой. Несколько бойскаутов и маленькая царапина на пальце. Вот и готово. И что же?

– Прямо не знаю, Роза, – осторожно начал он. – Может, стоит просто забыть об этом? В конце концов, у нас полно другой работы.

Карл прекрасно видел, какое действие произвела его реплика. Роза прямо задрожала от гнева. Карл даже отступил на шаг, чтобы взрывная волна извергнутых с шипением бранных слов не сбила его с ног.

В общем, Розе не понравилось его предложение. Он не

настолько непонятлив.

Карл кивнул. Как он уже сказал, у отдела полно другой работы. И Карл имел на примете по крайней мере пару важных дел. Если принять удачное положение в кресле, эти дела помогут полностью скрыть лицо, пока он, воспользовавшись удобным случаем, примется реализовывать неудовлетворенную потребность во сне. А остальные тем временем пускай поиграют в бойскаутов.

Роза зафиксировала малодушное отступление шефа, вперив в него свои зрачки, разящие с феноменальной точностью.

– Но выдумка замечательная, Роза. Действительно потрясающе, – выпалил Карл.

Однако Роза не клюнула на этот подхалимаж.

– У тебя есть два варианта, Карл, – прошипела она, пока Асад вращал глазами, стоя на стремянке. – Либо ты заткнешься, либо я сваливаю домой. Я ведь могу прислать сюда свою сестру-близняшку, и тогда знаешь что будет?

Карл покачал головой. И был совсем не уверен, хочет ли знать.

– Ну да, она явится с тремя детьми и четырьмя кошками, четырьмя постояльцами и полнейшей дрянью-мужем, да? Вот тогда в твоём кабинете будет настоящее столпотворение. Так ты думаешь?

Она уперлась кулаками в бока и приблизилась к нему.

– Я не знаю, кто наплел тебе всю эту чепуху. Ирса живет

вместе со мной, и у нее нет ни кошек, ни постояльцев.

В ее глазах, обведенных черными тенями, так и светилось: «Придурок!»

Защищаясь, Мёрк вытянул перед собой руки.

Кресло из кабинета кротко манило к себе.

– Что она там говорила про свою сестру-близняшку, Асад? Роза раньше угрожала подобным образом?

Карл следовал за Асадом вверх по лестнице, ведущей к ротонде, и уже успел почувствовать, как ноги наливаются свинцом.

– О, не воспринимай это так близко к сердцу. Роза подобна песку на верблюжьей спине: некоторым людям он попадает в задницу и зудит, а некоторым нет. Все зависит от того, насколько ты толстокожий. – Он обернулся к Карлу, обнажив два белоснежных ряда прекрасных зубов.

Если чья задница со временем и покрылась броней, то, несомненно, его.

– Она рассказывала мне о своей сестре. Я запомнил, что ее зовут Ирса, потому что созвучно Ирме. Мне показалось, они не так уж близки, – добавил Асад.

«Ирса? Неужели есть такое имя?» – думал Карл, пока они поднимались на третий этаж, и его сердце бешено колотилось.

– Привет, парни, – раздался удивительно знакомый голос. Значит, Лиза вернулась в их ряды. Сорокалетняя Лиза об-

ладада прекрасным телом и отличными умственными способностями. Просто именины сердца, чего не скажешь о фру Сёренсен, – та мягко улыбнулась Асаду и замерла, как потревоженная кобра, глядя на Карла.

– Лиза, расскажи господину Мёрку, как здорово вы с Франком съездили в Штаты. – Карга зловеще улыбнулась.

– В другой раз, – поспешно ответил Карл, – Маркус ждет. Он попытался потянуть Асада за рукав.

«Черт бы тебя побрал, Асад», – думал Карл, пока Лиза, улыбаясь ярко-красными губами, повествовала о целом месяце путешествий по Америке с почти увядшим мужчиной, который неожиданно возник в двуспальной кровати автокемпера. Эти картины Карл изо всех сил старался отогнать от себя, как и мысли о собственном вынужденном celibate<sup>10</sup>.

«Черт бы побрал фру Сёренсен, – думал он. – Чертов Асад и чертов мужик, подцепивший Лизу. И наконец, чертовы эти „Врачи без границ“<sup>11</sup>, выманившие Мону, объект его желаний, в Черную Африку».

– Когда возвращается домой твой психолог, Карл? – поинтересовался Асад, подойдя к двери в комнату для брифингов. – Как там ее, Мона?..

---

<sup>10</sup> *Цelibат* – обет обязательного безбрачия, как правило, принятый по религиозным соображениям. Носит всеобщий характер среди католических священнослужителей.

<sup>11</sup> «*Врачи без границ*» – неправительственная международная организация по оказанию медицинской помощи людям, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов и стихийных бедствий.



Карл проигнорировал издевательскую улыбку Асада и открыл дверь в кабинет начальника отдела по расследованию убийств. Здесь, потирая глаза, уже сидела большая часть работников отдела «А». Они провели несколько непростых дней в прозябании, но теперь догадка Асада вытянула их на свет божий.

Марку Якобсену понадобилось десять минут на информирование руководителей групп. Он и Ларс Бьёрн проявляли некоторый энтузиазм. Несколько раз даже упомянули Асада, и всякий раз на его довольное лицо обращались прищуренные глаза коллег, явно изумленных тем фактом, что этот черномазый уборщик вдруг очутился среди них.

Однако никто не посмел задать ни единого вопроса. В конце концов, именно Асад обнаружил, что между давними и новыми пожарами действительно существует связь. У всех трупов, обнаруженных на пепелищах, имелось углубление на нижнем участке фаланги мизинца левой руки, и только в одном случае мизинец отсутствовал вовсе. При чем оказалось, что патологоанатомы вносили эти сведения в отчеты, однако на совпадение просто не обращали внимания.

Экспертизы показали, что двое погибших носили на мизинцах кольца. Причем углубления в костях образовались не в результате перегрева металла колец при пожаре. Скорее всего, жертвы носили кольца с ранней юности, поэтому и остался след до самой костной ткани. Согласно одной из

версий, эти кольца могли иметь некое культурологическое значение, подобно китайскому заключению ног в колодки; по другой версии, это могло быть связано с каким-то ритуалом.

Маркус Якобсен кивал. Да-да, нечто в этом роде. Ту или иную форму братства нельзя было исключать. Если кольцо однажды надевалось, его больше не снимали.

Другое дело, что не на всех трупах мизинцы уцелели. На то могло быть множество причин. Отрубание, к примеру.

– Теперь осталось только выяснить кто и зачем, – подвел итог заместитель начальника Ларс Бьёрн.

Почти все закивали, кое-кто вздохнул. Ну да, осталось только выяснить это. Что может быть проще?

– Отдел «Q» проинформирует нас, если им удастся найти связанные с этим дела, – сказал начальник, и один из детективов, который явно не будет участвовать в расследовании, хлопнул Асада по плечу.

И вот они вновь оказались в коридоре.

– Ну так что там у нас с Моной Ибсен, Карл? – продолжило чудовище ровно с того же, на чем остановилось. – Надеюсь, тебе удастся заполучить ее к себе домой, прежде чем твои шарики нальются, как пушечные ядра?

В подвале в основном все оставалось по-прежнему. Роза поставила табурет перед гигантской ксерокопией сообщения из бутылки и теперь сидела на нем, настолько погрузившись

в размышления, что это было заметно даже со спины. Очевидно, она никак не могла продвинуться дальше.

Карл поднял глаза на текст. Совсем не простое задание. Отнюдь.

Роза аккуратно обвела буквы красным маркером. Вероятно, не самое разумное решение, но это дало лучший обзор, он сразу заметил.

Кокетливым движением она провела изрядно перепачканными маркером пальцами по черным растрепанным волосам, пригладив их. Чуть позже она, видимо, нарисует ногти черным лаком. Она имела такое обыкновение.

– Какой в этом смысл? Есть в этом хоть какой-то смысл? – спросила Роза, когда Карл попытался прочитать.

Вот что получилось:

ПОМОГИТЕ

ен..... вравл..... п... тили

ас... ати. и... сно. ст. но..... у... ут. оп.....

Бал..... – Челов..... р... 18..... волос..

..... – У него..... прра.... к....

... син..... гон Папа..... ммы... ним – Фр. д..

..... с Б – ... урож..... – .о... убъ... нас –

.... гу..... о..... rst.....

брат – Мы ехали..... час..... у... вад.....

.. мы..... З..... пл..... хн... – ..... е...

..... г... рю. г... – .....

.. лет

П.....

Крик о помощи. Кроме того, упоминается какой-то мужчина, отец и прогулка. Подписано «П». И это все. Да уж, смысла тут маловато.

Что все-таки произошло? Где, когда и почему?

– Уверена, что это адресант, – сказала Роза, ткнув маркером в букву «П» в самом низу.

Откровенной тупицей она не была.

– Я уверена, что это имя состоит из двух слов, в каждом из которых по четыре буквы, – добавила она и постучала по карандашным отметкам, сделанным Асадом.

Карл перевел взгляд с ее испачканных маркером пальцев на точки, поставленные на полотне. Кто знает, уместна ли сейчас проверка зрения? Почему она так уверена, что тут два раза по четыре буквы? Потому что Асад поставил несколько точек на нескольких пятнах? По мнению Карла, вариантов было множество.

– Я сверила с оригиналом и обсудила с техническим специалистом из Шотландии. Мы полностью сошлись во мнении. Два раза по четыре буквы.

Карл кивнул. Технический специалист из Шотландии. Прекрасно! Она могла с таким же успехом обсудить все с гадалкой из Рейкьявика, одетой в нечто черно-белое. На взгляд Карла, большая часть письма представляла собой всего лишь неразборчивую мазню, что бы кто ни говорил.

– Я убеждена, что это написано лицом мужского пола. В подобной ситуации вряд ли кому-то придет в голову под-

писываться прозвищем, однако мне не удалось отыскать ни одного датского женского имени, которое начиналось бы на «П» и состояло из четырех букв. А если имя не датское, то я смогла найти только следующие женские имена: Пака, Пала, Папа, Пеле, Пета, Пииа, Пили, Пина, Пинг, Пири, Поси, Прис, Пруэ.

Она перечислила их за одну секунду, даже ни разу не взглянув в свои записи. Какая же она все-таки интересная, эта Роза.

– Папа – какое-то странное имя для девочки, – проворчал Асад.

Она дернула плечом. Опять двадцать пять. Ни одного датского женского имени на «П» из четырех букв, она же сказала. Исключено.

Карл посмотрел на Асада, все лицо которого покрылось многочисленными мелкими морщинками. Ни у кого не получилось бы столь очаровательно выразить процесс размышлений, как у этого существа, отдающего себя работе без остатка.

– И мусульманского имени быть не может, – изрек он чуть позже с чересчур напряженным видом. – По крайней мере, мне не приходит в голову ничего, кроме Пари, а это имя иранское.

Карл удрученно скривился:

– Угу. А иранцев в Дании днем с огнем не найдешь, правда? Вот если бы этого человека звали Поул или Паул, какое

это было бы облегчение! Тогда уж мы отыскали бы его – раз плюнуть.

Тут морщины на лбу Асада прорезались еще глубже.

– Ты сказал – плюнуть? А куда?

Карл глубоко вздохнул. «Надо будет отправить помощника к моей бывшей жене, – подумал Карл. – Тогда он очень быстро узнает множество поговорок, от которых его огромные глаза полезут на лоб».

Карл взглянул на наручные часы:

– Ну ладно, пускай его зовут Поул, сойдемся на этом. Я пойду отдохну четверть часика, а вы пока найдете автора письма.

Роза попыталась проигнорировать его тон, но ноздри ее расширились.

– Ну да, Поул – явно хороший вариант. Как и Пиет или Пеер, с двумя «е» конечно, Пэер – непременно через «э», или Петр. А также Пиит, Пиет или Пхил. Так много вариантов, Карл. У нас теперь мультиэтническое общество, вокруг столько новых имен: Пако, Паки, Палл, Паже, Паси, Педр, Пепе, Пере, Перо, Перу...

– Черт, Роза, хватит уже. Тут тебе не именной регистр. И что ты имеешь в виду под Перу? Это, кажется, страна, а не имя...

– ...Пети, Пинг, Пино, Пиус...

– Пиус? Да, не забудь про пап<sup>12</sup>. Они ведь...

---

<sup>12</sup> *Пий* (лат. Pius) – в прошлом распространенное имя среди римских пап. Все-

– Понс, Пран, Птах, Пакх, Пири.

– У тебя всё?

Она промолчала.

Карл снова посмотрел на подпись на стене. Помимо того, что сообщение было написано кем-то, чье имя начиналось на «П», сказать еще что-либо не представлялось возможным. Но кем же был этот самый «П»? Вряд ли это Пиит Хайн<sup>13</sup>. Тогда кто?

– Ведь имя может быть и двусоставным, Роза. Ты уверена, что между словами нет тире? – Он показал на стершуюся область. – Так что тут вполне может быть написано Поул-Эрик, или Пако-Паки, или Пили-Пинг.

Он попытался задержать своим улыбающимся взглядом внимание Розы, но она была далека от такого рода заискиваний, ну и черт с ней.

– Ну, тогда давайте оставим в покое гигантское письмо, пусть себе висит, а мы тем временем возьмемся за более конкретные задачи, а у Розы заодно появится время на то, чтобы покрасить испорченные ногти в черный цвет, – подытожил Карл. – Никто ведь не мешает нам время от времени бросать взгляд на эту мазню, проходя мимо. Возможно, в один прекрасный момент на нас снизойдет озарение. Точно так же, как кроссворд спокойно лежит в туалете и дожидается сле-

---

го история знает двенадцать Пиев.

<sup>13</sup> *Пиит Хайн (Пит Хейн)* – датский ученый, писатель, изобретатель, художник и инженер; прославился в основном благодаря написанию коротких афоризмов в стихотворной форме.

дующего раза.

Роза и Асад взглянули на него с недоумением. Кроссворд в уборной? Вероятно, они так подолгу не сидели на унитазе.

– Впрочем, нет, наверное, не стоит оставлять письмо висеть на перегородке, все-таки здесь бывают люди. Часть архива находится за дверью, как вам известно. Старые дела, наверняка вы в курсе?

Карл развернулся на сто восемьдесят градусов и отправился напрямик в свой кабинет с удобным креслом, которое давно ожидало его. Ему удалось сделать несколько шагов, но тут резкий голос Розы вонзился ему в спину:

– Карл, повернись-ка сюда.

Он медленно обернулся и увидел, что она указывает на свой труд.

– Если ты считаешь, что у меня уродливые ногти, то я ничего не буду с ними делать, ясно? И еще – ты видишь слово на самом верху?

– Да, Роза. И это единственное, что я отчетливо вижу. Довольно разборчиво там написано: «Помогите».

Она в предупреждающем жесте подняла вверх разукрашенный черным маркером указательный палец.

– Отлично. Именно это слово ты прокричишь в первую очередь, если посмеешь убрать хоть один листок, понял?

Карл отвел от нее взгляд и помахал напоследок Асаду.

Похоже, пора проявить свой характер.



Глядя на свое отражение в зеркале, она думала о том, что заслужила в жизни большего. С такой идеальной персиковой кожей можно по-прежнему исполнять роль Спящей красавицы в школе городка Тюрегод. Раздеваясь, она все так же приятно удивлялась своему красивому телу. Но, осознавая все это, ей непросто было справиться с одиночеством, ох как непросто.

Они слишком отдалились друг от друга. Он совсем перестал с ней видеться.

Когда он возвращался, она все собиралась попросить, чтобы он больше не оставлял ее. Можно ведь найти другую работу. Она хотела как следует узнать его, понять, чем он занимается, и уговорить, чтобы он просыпался с ней каждое утро.

Все это она собиралась сказать ему.

В прежние времена неподалеку от Тофтебаккена располагалась небольшая свалка. Теперь отсюда исчезли гнилые матрасы с опилками и проржавевшие ножки от кроватей, и на этом месте образовался оазис с великолепным видом на фьорд и самым дорогим жильем в городе.

Здесь она любила постоять, скользя рассеянным взглядом по светлой гавани с лодками и тенистой роще в направлении

непрестанно меняющегося голубого фьорда.

Пребывая в таком месте и в подобном состоянии, легко снять с себя ответственность за случайности, происходящие в жизни. Возможно, именно поэтому она и согласилась выпить кофе вместе с молодым человеком, который подъехал к ней на велосипеде. Он жил в том же районе, что и она. Прежде они не раз приветствовали друг друга кивком в «Фё-тексе». Теперь они стояли рядом.

Она взглянула на часы. Сына нужно забирать только через два часа, так что времени еще предостаточно, да и что плохого в том, чтобы выпить чашечку кофе?

Но она совершила ужасную ошибку.

По вечерам она сидела дома, как старая дева, и раскачивалась на стуле. Прижимала руки к груди и старалась успокоиться. То, что она совершила, абсолютно неприемлемо. Неужели она действительно настолько выпала из действительности? Словно этот симпатичный мужчина ее загипнотизировал.

Уже через десять минут она выключила мобильник и начала рассказывать о себе. А он все слушал.

– Мия, красивое имя, – сказал он.

Она так давно не слышала своего имени, произнесенного вслух, что теперь оно показалось каким-то чужим. Муж никогда не называл ее по имени. Ни разу.

А этот парень оказался таким простым. Он спрашивал на-

прямую и отвечал столь же бесхитростно. Он солдат, зовут его Кеннет, у него красивые глаза. Когда он на виду у двух десятков людей накрыл своей ладонью ее руку, она не посчитала это неуместным. Он нежно притянул к себе ее руку и не собирался выпускать. А она даже никак не воспротивилась этому.

Затем помчалась в ясли, ощущая рядом его присутствие.

И вот теперь ни поздний час, ни темнота не могли унять ее волнение. Остается только кусать губы. Выключенный мобильник лежал на журнальном столике и с укором смотрел на нее. Словно после кораблекрушения она попала на остров, лишенный какой бы то ни было точки обзора. Не у кого спросить совета. Некого молить о прощении.

Как же быть дальше?

Наступило утро, а она все еще сидела со спутанными мыслями, с вечера даже не раздевшись. Пока она беседовала с Кеннетом, муж звонил ей на мобильный. Это она точно установила. Три пропущенных вызова, высветившихся на дисплее, требуют объяснения. Он позвонит ей и спросит, почему она не ответила, и она изложит свою лживую историю, а он непременно разоблачит ее, как бы правдоподобно ни прозвучало объяснение. Этого она опасалась больше всего. Он умнее, старше и опытнее. Он обязательно почувствует обман, и потому все ее тело тряслось от страха.

Обычно он звонил без трех минут восемь, непосредственно перед тем как они с Бенджамином выходили из дома, са-

дились на велосипед и уезжали. Сегодня она хотела поступить иначе и выехать на несколько минут раньше. Он может вогнать ее в стресс, нельзя этого допустить. С самого начала все пойдет по-другому.

Она уже взяла сына на руки, и тут телефон на столе начал предательски жужжать, завертевшись вокруг своей оси. Маленькое, всегда доступное окошко в мир.

– Привет, дорогой! – Она старалась говорить как ни в чем не бывало, но пульс отдавался в барабанных перепонках.

– Я пытался дозвониться до тебя несколько раз. Почему ты не перезвонила?

– Я как раз собиралась, – вырвалось у нее.

Ну вот, он ее уже подловил.

– Ну конечно. Ты ведь уже собралась выходить с Бенджамином, я в курсе. Без одной минуты восемь. Я тебя знаю.

Она задержала дыхание и осторожно поставила мальчика на пол.

– Он сегодня немного приболел. Ты знаешь, с соплями не разрешают посещать ясли. Мне кажется, у него небольшая температура.

Она медленно вздохнула, все тело умоляло о глотке кислорода.

– Ну-ну.

Ей совсем не понравилась последовавшая пауза. Он ждал, что она еще скажет?

Не упустила ли она что-либо из виду? Она попыталась

сфокусировать взгляд хоть на чем-нибудь. На каком-нибудь предмете за двойными рамами стекол. На колышущейся глади моря. На голых ветвях. На людях, спешащих на работу.

– Я вчера звонил не один раз. Я уже говорил, ты слышала? – спросил он.

– Да-да. Извини, милый, мобильный забарахлил. Мне кажется, скоро придется менять батарею.

– Я заряжал его буквально во вторник.

– Да, вот именно, в этот раз он разрядился очень быстро. Уже через два дня, что странно.

– И ты сама его зарядила? Разобралась?

– Ну да.

Она позволила себе слегка беззаботно улыбнуться. Хотя это далось нелегко.

– Оказалось проще простого. Я ведь много раз видела, как ты подсоединял зарядник.

– Я думал, ты не знаешь, где лежит зарядное устройство.

– Ну да.

У нее задрожали руки. Он понял: тут что-то не так. В следующую секунду он спросит, откуда она взяла это проклятое устройство, а она и понятия не имела, где оно хранится.

«Быстрее думай, быстрее!» – стучала у нее в голове одна фраза.

– Я... – Она повысила голос. – Нет, Бенджамин, не надо.

Она ногой пихнула малыша, так что он заверещал. Затем сверкнула глазами и толкнула его снова.

В тот самый момент, когда прозвучал вопрос «Так где же ты нашла зарядник?», ребенок наконец расплакался.

– Давай созвонимся попозже, – обеспокоенно сказала она. – Бенджамин ушибся.

Она захлопнула телефон, опустила на корточки и, целуя мальчика в щечку и шепча слова утешения, сняла с него комбинезон:

– Ну-ну, Бенджамин. Прости, прости, прости. Мама немножко потолкалась. Не хочешь печеньку?

Малыш всхлипнул, тут же простил ее, и в его грустных глазах выразилось горькое согласие. Она сунула ему в руки книжку с картинками, а сама пыталась прикинуть последствия свершившейся катастрофы: площадь их дома насчитывала триста метров, а зарядное устройство для телефона занимало пространства не больше, чем сжатый кулак.

Через час на первом этаже не осталось ни единого ящика или полочки, ни одного предмета мебели, который не был бы подвергнут проверке.

Тогда она подумала: что, если у них только одно зарядное устройство и он забрал его с собой? У него такой же телефон, как у нее? Этого она не знала.

Она кормила ребенка, нахмутив брови и смиряясь с мыслью, что так все и есть. Он забрал зарядник с собой.

Она покачала головой и ложкой собрала остатки пищи с губ малыша. Нет, при покупке мобильного телефона всегда получаешь в придачу и зарядное устройство. Естественно.

А потому где-то точно должна лежать коробка от телефона с руководством пользователя и, новым зарядником. Вероятно, не на первом этаже.

Она взглянула на лестницу, ведущую наверх.

В их доме были уголки, куда она почти никогда не заглядывала. Но не потому, что он запрещал, просто так уж повелось. Зато он никогда не появлялся в ее швейной комнате. У каждого из них были свои интересы и территории, как и время на собственные занятия. Просто у него всего этого было гораздо больше.

Она взяла ребенка на руки, поднялась по лестнице и оказалась у двери в его кабинет. Если она обнаружит коробку с зарядным устройством в одном из его ящиков или шкафов, как потом объяснить, зачем она туда полезла?

Она толкнула дверь.

В отличие от ее собственной комнаты, находившейся этажом выше, это помещение было лишено каких бы то ни было проявлений индивидуальности. Никакого ощущения творчества, которое она сама обожала. Сплошные бежевые и серые цвета, больше ничего.

Она распахивала однообразные встроенные шкафы настежь и обнаруживала по большей части пустоту. Из ее шкафов обязательно посыпались бы омытые слезами дневники и безделушки, скопленные за сотни беспечных дней, проведенных с подругами. А на этих полках лишь стопками лежали книги, имеющие отношение к работе. О стрелковом ору-

жии, о работе полицейских и так далее. Также целая куча книг о религиозных сектах – Свидетелях Иеговы, Детях Божиих, мормонах и множестве других, о которых она раньше никогда и не слышала. Как странно, подумала она и встала на цыпочки, чтобы заглянуть на верхние полки.

И вновь почти пусто.

Взяв ребенка на руки, свободной рукой она принялась один за другим выдвигать ящики письменного стола. Кроме серого оселка, похожего на тот, которым ее отец точил нож для рыбы, ничего, что привлекло бы взгляд. Только бумага, печати и несколько нераспакованных коробок с дискетами, какими давно уже никто не пользуется.

Заморозив в себе все чувства, она толкнула дверь. В данный момент она не узнавала ни своего мужа, ни саму себя. Все казалось сюрреалистичным и пугающим. Никогда раньше она не испытывала ничего подобного.

Она почувствовала, как голова сынишки склонилась ей на плечо, и ощутила его ровное дыхание.

– А-а, мой малыш. Заснул? – шептала она через мгновение, укладывая ребенка в детскую кроватку.

Теперь нужно было не утратить контроль. Все должно идти своим чередом.

Она взяла телефон и позвонила в ясли.

– Бенджамин что-то засопливился, и я решила не приводить его сегодня к вам. Я только это хотела сказать. Простите, что поздно вато позвонила, – механически сказала она



и даже забыла поблагодарить в ответ на пожелание скорейшего выздоровления.

Она смотрела на узкую дверь между кабинетом мужа и их спальней. При переезде она помогала ему перетаскивать наверх прорву коробок, сразу ощутив разницу в их образе жизни. Она переехала из комнаты общежития с несколькими компактными предметами мебели от «Икеи», он же перевез сюда все, что накопил за свою жизнь, а ведь он на двадцать лет старше. Поэтому мебель в их гостиной была сделана в разное время, а пространство за дверью заполнилось множеством картонных коробок, о содержании которых она понятия не имела.

Она утратила мужество сразу, как только приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Ширина комнаты около полутора метров, но пространства в ней хватало ровно на четыре коробки в ширину и четыре в высоту. Над последним рядом на противоположной от входа стене было велюксовское<sup>14</sup> окно. Около пятидесяти коробок в общей сложности.

– В основном вещи моих родителей и бабушки-дедушки, – сказал он тогда.

По прошествии некоторого времени их можно было выкинуть, ведь у него нет братьев и сестер, с которыми пришлось бы считаться.

Она окинула взглядом стену из картонных коробок и по-

---

<sup>14</sup> «Велюкс» («Velux») – датская компания, занимающаяся производством строительных материалов, в основном мансардных окон. – *Ред.*

няла, что не было никакого смысла хранить упаковку от телефона здесь. Это комната, в которой прошлое словно замкнулось в самом себе.

«И все же, – подумала она и остановила взгляд на нескольких пальто с огромными воротниками, кучей сваленных на одной из коробок дальнего ряда, – может, под ними что-то лежит?»

Она потянулась к старой одежде над коробками, но никак не могла достать. Тогда забралась на картонную гору, встала на колени и поползла вперед. Порывшись в пальто, с разочарованием констатировала, что под ними ничего нет. Вдруг колено провалилось внутрь одной из коробок.

«Проклятье, – подумала она, – теперь он узнает, что я тут шарила».

Расправив картонную крышку, она удостоверилась, что ничего страшного не случилось, все цело.

Из коробки торчали какие-то газетные вырезки. Они были не слишком старыми, вряд ли их сложили сюда на хранение родители мужа. Немного странно: зачем муж собрал эти статьи? Быть может, они каким-то образом связаны с его работой или забытым теперь интересом?

– Бог с ними, – пробурчала она.

С какой стати интересоваться статьями о Свидетелях Иеговы?

Она немного полистала их. Материал довольно разнородный. Тут и статьи о всевозможных сектах, и заметки о курсах

акций и биржевом анализе, об анализе ДНК и даже объявлении пятнадцатилетней давности о продаже дач и загородного жилья в Хорнсхерреде. Вряд ли ему все еще это нужно. Не предложить ли ему освободить эту комнату? Можно было бы обустроить гардеробную. Кто бы отказался иметь такое помещение у себя дома?

Она слезла с коробок с охватившим ее чувством облегчения. Ей в голову пришла новая идея.

Для пущей уверенности она еще раз оглядела этот картонный ландшафт, и вмятина на одной из коробок не показалась ей привлекающей внимание. Да нет, он ничего не заметит.

И она прикрыла за собой дверь.

Идея заключалась в том, чтобы купить новое зарядное устройство. Прямо сейчас. Она возьмет из своих сэкономленных на хозяйстве денег, о существовании которых он не знает, поедет на велосипеде в «Сонофон» на Альгэде и купит его. Потом подкинет зарядник в песочницу Бенджамина, чтобы придать ей потертый и бывалый вид, а когда муж вернется, положит в корзину в коридоре, где лежат шапки и варежки Бенджамина. Муж вновь спросит, откуда у нее зарядник, а она покажет ему.

Конечно, он удивится, а она, в свою очередь, изумится его удивлению. Если это чужая вещь, тогда, возможно, ее у них кто-то оставил.

Она припомнит, когда в последний раз они принимали гостей. Несколько раз такое случалось, хотя и давно. Собрание

собственников жилья. Медсестра. Да-да, гипотетически любой человек мог запросто забыть у них зарядное устройство, хотя это несколько странно – кто же берет с собой в гости зарядник от мобильного телефона?

Пока Бенджамин днем будет спать, она как раз успеет смотаться за зарядным устройством. Улыбаясь, она представила себе изумленное лицо своего супруга, когда он потребует предъявить ему зарядник, а она без промедления выудит его из корзины с рукавицами. Несколько раз повторила про себя приготовленную фразу, чтобы произнести ее убедительно и с правильной интонацией.

«Но разве зарядник не наш? Как странно. Тогда, видимо, кто-то его у нас забыл. Может, кто-то из гостей на крестинах?»

Ну да, все очевидно. Настолько просто и незатейливо, что не подкопаешься.

Если у Карла когда-либо возникали сомнения в упрямстве Розы, теперь они улетучились без следа. Едва он позволил себе повысить голос насчет затянувшейся работы Розы по расшифровке письма из бутылки, как она выпучила глаза и заявила, что в таком случае пускай он сам и изучает, и выясняет, и вообще запихнет себе в задницу осколки от этой долбаной бутылки.

Он даже не успел ничего возразить, прежде чем Роза небрежно повесила сумку на плечо и смылась. Даже Асад был шокирован и на мгновение застыл как заколдованный, впившись зубами в четвертинку грейпфрута.

Таким образом, на некоторое время Карл и Асад застыли в тишине.

– Кто ее знает, может, и впрямь пришлет сюда сестру, – медленно проговорил Асад, откусив от грейпфрута.

– Где твой молитвенный коврик? – проворчал Карл. – Попробуй о том, чтобы этого не случилось, и будешь мировым чуваком.

– Чу...

– Очень хорошим мальчиком, Асад. – Карл махнул ему в направлении гигантского письма. – А теперь давай уберем все это.

– Уберем?

Карл кивнул:

– Именно, Асад. Не мог бы ты снять эту прелесть и повесить ее рядом с твоими замечательными делами в цветных ленточках? Только оставь, пожалуйста, между ними несколько метров пустого пространства, ладно?

Он уже долго сидел, с некоторым благоговением рассматривая необычное послание из бутылки. И хотя оно успело побывать во многих руках и далеко не все одинаково бережно относились к тому, что документ обладал потенциальной доказательной силой, он все же не преминул надеть хлопчатобумажные перчатки.

Бумага была очень хрупкая. Разглядывая ее, он испытывал какое-то особое чувство. Маркус называл это чуйкой, старина Бак – проницательностью, бывшая жена – интуицией, делая особый акцент на звуке «у». Но как, черт возьми, ни назови, эта письмо производило очень сильное впечатление. Оно было явно подлинное. Написано в спешке. Несомненно, на неровной поверхности. Кровью, непонятным инструментом. Может, ручкой, обмакнутой в кровь? Нет, непохоже. Линии неодинаковые – местами, казалось, нажимали слишком сильно, местами еле касались бумаги. Карл достал лупу и попытался изучить углубления и неровности, однако документ слишком пострадал. Там, где прежде были углубления, от влаги они могли вздуться, и наоборот.

Мёрк вспомнил задумчивое лицо Розы и отложил письмо

в сторону. Утром, когда она придет, надо будет сказать ей, что она потратит уйму времени впустую. А им нужно двигаться дальше.

Он подумал, не попросить ли Асада заварить еще сахарной жижи, однако, судя по грохоту в коридоре, тот еще не закончил скакать вверх-вниз на стремянке и бесконечно переставлять ее. «Может, подсказать ему, что этажом выше есть парная лестница?» – но решил не утруждаться. Все равно за час помощник справится.

Карл посмотрел на папку со старым делом о пожаре в Рёдовре. Что ж, надо прочесть и вернуть материалы шефу, который поместит их в архив на самую вершину настоящей альпийской горы из папок, уже возвышающейся на его столе.

Речь шла о пожаре в Рёдовре в 1995 году. Из-за пламени, в считанные секунды поглотившего верхний этаж хранилища в Дамхусдалене, развалилась пополам недавно отремонтированная черепичная крыша. Когда пожар был потушен, обнаружили труп. Хозяин постройки не знал погибшего человека. Несколько соседей подтвердили, что всю ночь в окнах на крыше горел свет. Поскольку тело так и не опознали, пришли к заключению, что это был бомж и он, вероятно, неосторожно обращался с газом. Однако организация «Природный газ в столичном регионе» заявила, что строение не было подключено к газопроводной трубе, и дело было передано в отдел по расследованию убийств полиции Рёдовре, где оно и застряло вплоть до дня основания отдела «Q».

Дело и тут могло продолжить свое тихое прозябание, если бы Асад не обратил внимание на одинаковую у жертв пожаров выемку на нижней фаланге левого мизинца.

Карл схватил телефон, набрал номер шефа, но вместо него услышал навевающий тоску голос фру Сёренсен.

– В общем, так, Сёренсен, – начал он. – Сколько дел...

– А, это Мёрк? Я переключу вас на кого-нибудь, у кого крепкие нервы.

Однажды он подарит ей какое-нибудь смертельно ядовитое животное.

– Да, слушаю, – раздался голос Лизы.

Ну, слава богу. Значит, фру Сёренсен не напрочь лишена сострадания.

– Я по поводу последних пожаров. Во скольких случаях установлена личность сгоревших? Да, и сколько всего этих дел?

– Ты имеешь в виду самые свежие? Всего три, и нам известно имя только одного погибшего, и то нет стопроцентной уверенности.

– Нет уверенности?

– Да, мы узнали имя по медальону, который был на нем, но мы не знаем, принадлежал ли он ему. Вполне можно допустить ошибку.

– Хм. Повтори-ка, где произошли эти пожары?

– Разве ты не читал дела?

– Так. – Он тяжело выдохнул. – У нас вот был один в Рё-



довре в тысяча девятьсот девяносто пятом году. А у вас?

– Один – в минувшую субботу на Стокгольмсгэде, второй – на следующий день после первого, в Эмдрупе, и последний – в Северо-Западном квартале.

– Стокгольмсгэде звучит замечательно. Тебе известно, какое место пострадало меньше всего?

– В Северо-Западном, пожалуй. На Дортеавай.

– Удалось найти какую-либо связь между пожарами? Кто владельцы зданий? Был ли свежий ремонт? Соседи видели свет в ночное время? Связь с террористами?

– Я не в курсе. У нас занимаются этими делами несколько человек. Спроси у кого-нибудь из них.

– Спасибо, Лиза. Но все-таки пока это не мое дело.

Карл поблагодарил ее, понизив голос, надеясь произвести некоторое впечатление, и положил папку на стол. «Очевидно, они держат все под контролем», – подумал он и тут же услышал в коридоре голоса. Видимо, снова пожаловали проклятые рыцари закона из инспекции по охране труда, чтобы еще немного поругаться по поводу техники безопасности.

– Да, он у себя, – услышал он предательские слова Асада.

Карл следил за мухой, которая носилась по комнате. Если бы он мог правильно рассчитать время, то шлепнул бы ее прямо на голову инспектора. Он встал на самом пороге и замахнулся для удара папкой с делом о пожаре в Рёдовре. И тут в дверном проеме появилось незнакомое лицо.

– Добрый день. – Незнакомец протянул руку. – Меня

зовут Идинг. Заместитель комиссара полиции, Западный округ, Альбертслунд.

Карл кивнул.

– Идинг? Это имя или фамилия?

Мужчина улыбнулся. Возможно, он и сам не знал.

– Я пришел в связи с пожарами, случившимися на днях. Именно я помогал Антонсену в ходе расследования в Рёдове в тысяча девятьсот девяносто пятом году. Маркус Якобсен хотел бы выслушать устный отчет и попросил меня обратиться к вам, чтобы вы представили меня своему ассистенту.

Карл вздохнул с облегчением:

– Вы только что с ним говорили. Вон он там, на лестнице.

Идинг прищурился:

– В коридоре?

– Ну да. По-вашему, он недостаточно хорош? А ведь он в Нью-Йорке получил образование полицейского эксперта и прошел специальную подготовку в Скотланд-Ярде как аналитик ДНК-проб и фотографий.

Идинг попался на удочку и с уважением кивнул.

– Асад, иди же! – закричал Карл, шлепнув папкой по мухе.

Он представил друг другу Идинга и Асада, а потом спросил:

– Закончил развешивать?

Асад тяжело сомкнул веки. Довольно красноречивый ответ.

– Маркус Якобсен сообщил мне, что оригинал досье из

Рёдовре находится здесь, – сказал Идинг. – Вы, должно быть, в курсе, где оно.

Асад направил указательный палец в направлении Карла, пока тот размахивал папкой.

– Вон там, – сказал он. – Это все?

– Начальник отдела по расследованию убийств заинтересовался одной деталью, которая вылетела у меня из головы. Можно мне пролистать несколько страничек?

– Да пожалуйста, – отозвался Карл. – У нас сегодня дел по горло, так что мы заранее просим извинить нас.

Он вытолкал Асада сначала в коридор, а затем прошел к его рабочему столу под изящной репродукцией с какими-то руинами песочного цвета. Надпись на изображении гласила: «Расафа».

– У тебя в чайнике что-нибудь есть? – спросил Мёрк.

– Можешь допить последний глоток, Карл. Потом я заварю себе свеженького.

Он улыбался, взгляд говорил «спасибо».

– Когда этот чувачок провалит, нам с тобой надо будет прогуляться, Асад.

– Куда?

– В Северо-Западный квартал, посмотрим на сгоревший почти дотла дом.

– Карл, но это же не наше дело. Остальным это не понравится.

– Да, сначала – возможно. Ничего, пройдет.

Казалось, Асада не удалось убедить. Но вскоре выражение его лица изменилось.

– Я обнаружил на стене еще одну букву, – сказал он. – И у меня есть очень неприятное подозрение.

– Вот как! И?..

– Я сейчас ничего не скажу. Ты просто рассмеешься.

Прозвучало так, словно это было самой радостной новостью за день.

– Спасибо. – В приоткрытую дверь заглянул Идинг и уставился на чашку с танцующими слониками, из которой пил Карл. – Я прихвачу это с собой наверх к Якобсену, ладно? – Он помахал несколькими документами.

Оба кивнули.

– И еще привет от знакомого. Я только что встретился с ним в столовой наверху. От Лаурсена из технического отдела.

– Томас Лаурсен?

– Да.

Карл нахмурился:

– Так он же выиграл десять миллионов в «Лотто» и подал в отставку. Он всегда говорил, что все эти мертвецы его достали. Что он тут делает? Неужто снова натянул форму?

– К сожалению, нет. Иначе в техническом отделе не было бы недостатка в кадрах. Он натянул на себя фартук. Работает в столовой.

– Вот черт. – Карл представил себе массивного игрока

в регби работником столовой: странная картина, если только на фартуке у него не написано что-то вроде «Выжиматель фарша». — А что стряслось? Он же инвестировал во все компании, в какие только можно было.

Идинг кивнул:

— Вот именно. А теперь они все сдулись. К его несчастью.

Карл покачал головой. И вот награда за попытку проявить рационализм... Все-таки хорошо не иметь ни гроша.

— И давно он здесь?

— Говорит, около месяца. Ты разве никогда не бываешь в столовой?

— Ты спятил? К этой полевой кухне ведет десять миллионов лестниц. Вероятно, ты заметил, что лифт сломан.

Каких только предприятий и организаций не было на улице Дортевай за всю ее историю! Сейчас на этой улице, длинной которой составляла всего шестьсот метров, располагались антикризисные центры, студии звукозаписи, автошколы, дом культуры, этнические ассоциации и так далее. Старый промышленный район, в котором продолжала ключом бить жизнь, если только однажды он полностью не сгорит, как оптовый склад К. Франдсена.

Основные работы по разбору завалов на месте сгоревшей постройки закончились, и теперь дело было за следователями. Большинство коллег предпочли обойтись без приветствий. Карл расценил это как проявление зависти, которую

он вызывал. Но он и сам повел себя с нескрываемым безразличием.

Мёрк расположился в самом центре пожарища, у въезда на склад К. Франдсена, и изучал ущерб, причиненный постройке. Нельзя сказать, что вся конструкция была достойна сохранения, но оцинкованная заборная сетка была совсем новой. Этот контраст бросался в глаза.

– Я видел такое в Сирии, Карл. Когда керосинка раскаляется, бум... – Асад замахал в воздухе руками, как мельница, чтобы показать взрыв.

Карл осмотрел второй этаж. Складывалось впечатление, что крыша приподнялась, а затем упала на прежнее место. Широкие обгоревшие балки вылетели из-под карниза и застряли на полпути к шиферному покрытию. Велюксовские окна повывлетали к чертовой матери.

«Да уж, рвануло неслабо», – подумал он.

Что заставляет людей добровольно избирать это забытое богом и столь непривлекательное место? Возможно, в этом все и дело: добровольно ли?

– Карл Мёрк, отдел «Q», – представился он, когда один из молодых следователей проходил мимо. – Можно нам подняться и взглянуть? Техники уже закончили?

Парень пожал плечами.

– Об окончании можно будет говорить только тогда, когда все это дерьмо снесут, – ответил он. – Будьте осторожней. Мы положили на пол доски, чтобы не провалиться, но ника-

кой гарантии нет.

– «Оптовая торговля К. Франдсена» – что именно они импортировали? – спросил Асад.

– Товары для типографий. Все абсолютно легально, – ответил работник криминальной службы. – Они понятия не имели, что у них на чердаке кто-то обосновался, все работники компании в шоке. Хорошо еще, что не все сгорело дотла.

Карл кивнул. Подобные помещения должны быть расположены на расстоянии не менее шестисот метров от заправок станций, как и в данном случае. Какое счастье, что местное пожарное отделение пережило очередной этап аутсорсинга<sup>15</sup> по инициативе ЕС.

Как и предполагалось, второй этаж сгорел полностью. Оргалитовые пластины свисали с наклонных стен, перегородки топорщились, как ошметинившиеся иглы, напоминая железные конструкции в эпицентре взрыва. Обугленный мир хаоса.

– Где лежало тело? – задал Карл вопрос пожилому мужчине, представившемуся следователем со стороны страховой компании.

Страховщик указал на пятно на полу, где обнаружили труп.

---

<sup>15</sup> *Аутсорсинг* (от *англ.* outer-source-using – использование внешнего источника/ресурса) – передача организацией определенных бизнес-процессов или производственных функций на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области.

– Взрыв был мощным и имел два залпа с очень маленьким интервалом, – объяснил он. – Первый инициировал пламя, второй поглотил из помещения кислород и разом выбросил его в помещение.

– Так, значит, это был не банальный тлеющий пожар, когда жертва задыхается угарным газом?

– Нет.

– Вы полагаете, человека сбила с ног первая волна, а потом он просто сгорел?

– Я не знаю этого. Останков настолько мало, что нельзя ничего утверждать. Вряд ли удастся исследовать дыхательные пути жертвы, так что мы не сможем судить о концентрации сажи в легких и трахее. – Он покачал головой. – Трудно поверить, что тело могло так сильно пострадать за такое короткое время. То же самое я недавно сказал вашим коллегам в Эмдрупе.

– Что именно?

– По-моему, пожар был подстроен. Тот, кто это сделал, хотел скрыть факт, что жертва на самом деле погибла в совершенно другом пожаре.

– Вы полагаете, тело переместили? И что вам на это ответили?

– Да, я думаю, они полностью были согласны со мной.

– Так, значит, это убийство? Человека убивают, сжигают, а затем подкидывают в другой пожар...

– Да, но мы ведь не знаем, что жертву сначала убили. Весь-



ма вероятно, что ее переместили. Я не представляю, чтобы столь кратковременный, хотя и очень интенсивный огонь мог уничтожить труп до самого скелета.

– А вы были на всех трех пожарищах? – поинтересовался Асад.

– Я мог бы, так как работаю сразу на несколько страховых компаний, но на Стокгольмсгэде ездил мой коллега.

– А в остальных случаях помещения были похожи на это? – спросил Карл.

– Нет, разве что все они пустовали. Вот почему версия о том, что жертвы были бомжами, сама напрашивается.

– Вы думаете, все эти пожары идентичны? То есть всякий раз погибших оставляли в пустом помещении, а затем поджигали? – снова включился Асад.

Страховщик спокойно посмотрел на необычного следователя:

– Я полагаю, что во многих отношениях такое предположение не лишено оснований.

Карл задрал голову и посмотрел на почерневшие своды:

– У меня к вам еще пара вопросов. Затем мы оставим вас в покое.

– Задавайте.

– Для чего понадобилось два взрыва? Почему просто не дать этому дерьму спокойно сгореть? У вас есть какое-либо предположение на этот счет?

– Не могу придумать иного объяснения, кроме того, что

поджигатель хотел держать все под контролем.

– Благодарю. Второй вопрос: можем ли мы вам позвонить, если у нас возникнут дополнительные вопросы?

Страховщик улыбнулся и вытащил свою визитку:

– Конечно. Меня зовут Торбен Кристенсен.

Карл сделал вид, что ищет в кармане свою визитную карточку, хотя ее не существовало и в помине. Вот еще одно задание для Розы, когда она объявится.

– Не понимаю. – Асад стоял неподалеку и чертил полосы по слою сажи на наклонной стене.

Очевидно, он относился к тому типу людей, которые способны размазать крохотное пятно грязи со своего пальца по всей одежде и всему, что вообще их окружает. По крайней мере в данный момент сажи на его голове и одежде хватило бы, чтобы покрыть тонким слоем небольшой обеденный стол.

– Не понимаю, о чем вы там толкуете. Это все, конечно же, должно быть связано. И кольцо на пальце или отсутствующий палец, и трупы, и пожары, и всё-всё. – Затем он резко обернулся к страховщику: – Сколько получит за это от вас компания? Это же старый дерьмовый дом.

Кристенсен нахмурился. Он уже слышал версию о страховом мошенничестве, однако это не означало, что он был с ней согласен.

– Да, постройка не новая, и тем не менее компания имеет право на компенсацию. В данном случае мы говорим о стра-

ховании от огня. Плесень и гниль тут ни при чем.

– Так сколько?

– Хм... Навскидку семьсот-восемьсот тысяч крон.

Асад присвистнул:

– На плохоньком первом этаже можно выстроить что-то новое?

– Как пожелает застрахованная компания.

– Они также могут снести все начисто, если захотят?

– Да, конечно.

Карл посмотрел на Асада. Ну да, помощник что-то замыслил. Пока они спускались к машине, Мёрк понял, что, приняв следующий шаг, они обретут внутреннего врага – это будут не преступники, а отдел по расследованию убийств. Какой ждет триумф, если удастся их опередить!

Карл на прощание сдержанно кивнул коллегам, все еще стоявшим во дворе. Он не желал с ними разговаривать.

Пусть сами добывают информацию. Асад на мгновение остановился у служебной машины и теперь читал граффити. Надпись, сделанная зелено-бело-черно-красными буквами на отлично оштукатуренной стене, гласила: «Израиль, вон из сектора Газа. Палестина для палестинцев!»

– Они не умеют писать по-человечески, – прокомментировал он и полез в машину.

«А ты умеешь?» – подумал Карл.

Черт возьми. Он завел мотор и взглянул на своего помощника, который сидел, уставившись в пространство, и витал

В СВОИХ МЫСЛЯХ.

– Эй, Асад, ты где?

– Да тут я, Карл, – только и ответил он.

По пути в полицейский участок не было произнесено ни слова.

Окна в маленьком приходском помещении сияли, как металлические пластины. Значит, эти тупицы уже начали.

В предбаннике он снял пальто, поздоровался с так называемыми нечистыми женщинами, которые из-за менструации должны были слушать хвалебные песнопения снаружи, и проскользнул через двойные двери внутрь.

Служба достигла кульминации. Он не раз присутствовал здесь раньше и хорошо знал этот ритуал. В данный момент священник стоял у алтаря в самодельном облачении и творил «утешение в жизни», как называлось это таинство. Вскоре все – дети и взрослые – поднимутся по его призыву, мелкими шажками приблизятся друг к другу и уткнут головы в свои невинные белые туники.

Это приближение к алтарю вечером четверга было важнейшим событием недели. Сама Матерь Божья в лице священника протягивала чашу и предлагала хлеб. Затем все без исключения соберутся в зале Богоматери и примутся радостно плясать и бесконечными словесными каскадами возносить хвалу Матери Божьей, давшей жизнь Иисусу Христу от Святого Духа. Они дадут волю речам, станут молиться обо всех нерожденных детях, заключать друг друга в объятия и вспоминать ту нежность, которой одарила Богоматерь Господа, и все в этом духе. В общем, как и многое другое, что

у них происходит, полная галиматья.

Он тихо пробрался вглубь помещения и встал у стены. Ему улыбались. Мы рады всем, говорили эти улыбки. И вскоре, когда толпа впадет в экстаз, они будут благодарить его за то, что он пришел к ним в своем стремлении к Матери Божьей.

Тем временем он приглядывался к интересующей его семье. Отец, мать и пятеро детей. В секте редко у кого меньше детей. За двумя старшими мальчиками стоял седовласый отец, а перед ними – три девочки с распущенными развевающимися волосами, ритмично покачивающиеся из стороны в сторону. Впереди всех среди женщин стояла мать – с открытым ртом, закрытыми глазами, свободно сцепив руки на груди. В такой же позе стояли все женщины. Далеко от окружающего мира, качаясь, охваченные порывом коллективного сознания, трепещущие в присутствии Богоматери.

Большинство молодых женщин были беременны. У одной из них, которая вот-вот должна была родить, на тунике, на груди, проступали пятна от сочащегося молока.

А мужчины смотрели на этих плодовитых женщин с самоотверженным восхищением. Ибо приверженцы Церкви Матери Божьей почитали женское тело, за исключением менструального периода, величайшей святыней.

В этом собрании, культивирующем плодовитость, все взрослые мужчины стояли, сложив руки на уровне причинного места, а самые маленькие мальчики веселились и ста-

рались подражать им без малейшего понимания, насколько глубокое значение было в этом заложено. Они просто пели и повторяли то, что делали родители. Тридцать пять человек составляли одно целое. Это была сплоченность, подробно описанная в наказе Богоматери. Сплоченность в вере в нее, на основе которой строилась вся жизнь.

Он наслушался об этом до тошноты. У каждой секты своя недоступная, непонятная истина.

Он изучал среднюю сестру, Магдалену, пока священник бросал хлеб стоявшим ближе к нему и толкал речи. Она глубоко погружена в свои мысли. О чем она размышляет? О послании, заложенном в таинстве? Или о том, что запрятано дома в саду на лужайке? О дне, когда ее посвятят в служанки Матери Божьей, о том, как ее разденут и обмажут свежей овечьей кровью? Или о том дне, когда ей выберут мужа и благословят ее лоно, дабы оно принесло плод? Догадаться было нелегко. Что вообще происходит в голове двенадцатилетних девочек? Об этом знают только они сами. Возможно, она просто напугана, но тут есть от чего напугаться.

Он пришел оттуда, где через ритуалы проходили мальчики. Именно они должны были доносить свою волю и мечты до общины. Культивировать тело. Он помнил все это слишком хорошо. Все, все помнил.

А тут все крутится вокруг девочек.

Он попытался поймать взгляд Магдалены. Неужели она и правда думает о своем сокровище в саду? Неужели это под-

питывает в ней более могущественные, чем вера, силы? Вероятно, сломить ее сложнее, нежели брата, стоявшего тут же.

А потому он еще не решил окончательно, кого из них двоих выбрать.

Кого из них он убьет.

Он прождал около часа, пока семья не уехала на богослужение, а затем пробрался в дом. Мартовское солнце висело уже над самым горизонтом. Всего пара минут потребовалась на то, чтобы расправиться с окном и вломиться в комнату кого-то из детей.

Это оказалась комната младшей девочки, он сразу понял. И не потому, что помещение было выкрашено в розовый цвет или на диване лежали подушки с сердечками. Нет, ни кукол Барби, ни плюшевых медвежат здесь не было, под кроватью не стояли туфли с узкими ремешками на щиколотках. Абсолютно ничего из того, что можно увидеть в комнате обычной десятилетней датской девочки. Все дело в крестильном платье, которое висело на стене, – вот почему он понял, что комната принадлежит именно младшей дочке. Крестильное платье представляло собой оболочку Богоматери, и эта оболочка хранилась и передавалась следующему новорожденному в семье. Так было принято в Церкви Матери Божьей. Самый младший должен был беречь это платье. Аккуратно чистить его каждую субботу перед часом отдыха. Гладить воротник и кружева на Пасху. И счастлив был тот



член семьи, которому выпало заботиться об этом священном одеянии дольше остальных. Счастлив и потому особо удачлив, так говорилось.

Он вошел в кабинет главы семейства и быстро обнаружил то, что искал. Документы, подтверждающие благосостояние семьи, ежегодные свидетельства, определяющие со стороны Церкви Матери Божьей положение, которое занимает в общине человек. Наконец, список телефонов, который обеспечил ему сведения о географическом распространении данной секты не только по стране, но и по всему миру.

С прошлого раза, когда он имел с ними дело, только в Центральной Ютландии к секте примкнуло около сотни новых членов. И эта мысль не внушала оптимизма.

Осмотрев все комнаты, он вылез в окно, захлопнув его за собой. Вгляделся в угол сада. Магдалена выбрала для игры неплохое место. Его было почти не видно из дома и из других частей сада.

Он запрокинул голову и увидел над собой потемневшее небо. Скоро совсем стемнеет, нужно поторопиться.

Он прекрасно знал, где нужно искать, иначе не сумел бы найти тайник Магдалены, который выдавала только ветка, торчавшая из дерна. Он улыбнулся, увидев это место, осторожно отодвинул ветку и приподнял кусочек дерна размером с ладонь.

Углубление было выстлано изнутри желтым пакетом, на нем лежал сложенный лист цветной бумаги.

Он извлек его и улыбнулся.

А затем положил находку себе в карман.

В приходском домике он долго разглядывал эту длинно-волосую девочку и ее брата Самуэля. Они спокойно стояли вместе с другими членами общины. С теми, кто и дальше продолжит жить спокойно, и с теми, кто очень скоро обременится невыносимым знанием.

Ужасающим знанием о том, что он намерен с ними сделать.

После песнопения сектанты сомкнулись вокруг него и принялись поглаживать по голове и торсу. Таким образом они выражали радость по поводу его прихода к Богоматери. И еще демонстрировали доверие к нему, и каждый испытывал восторг, ибо они должны были указать ему путь к вечной истине. Затем толпа отступила на шаг, и все воздели руки к небу. Вскоре они начнут гладить друг друга ладонями, и это будет продолжаться до того момента, пока один из них не упадет на пол и не позволит Матери Божьей взять свое трепещущее тело. Он знал, кто именно окажется в этой роли. Экстаз уже светился в ее глазах. Молодая некрупная женщина, чьей главной заслугой были трое прыгающих вокруг нее пухлых ребятишек.

Когда это наконец произошло, он, как и все остальные, закричал, обратив лицо к потолку. В отличие от окружающих он удерживал в себе то, что они изо всех сил старались вы-

плеснуть наружу. Внутреннего дьявола.

Когда члены общины прощались на лестнице, он незаметно выставил ногу и сделал подножку Самуэлю. Мальчик рухнул в никуда с верхней ступеньки.

Когда Самуэль приземлился, его колени издали хруст. Так же хрустит шея в момент повешения.

Все произошло, как и следовало.

Отныне он управлял ситуацией. Отныне все предначертано.

Вечером Карл вернулся домой на Рёнехольтпаркен. Мерцающие телевизоры рокотали в бетонных жилых блоках, на каждой кухне был различим силуэт хозяйки, и Карл почувствовал себя немым музыкантом в симфоническом оркестре, лишенном нот.

Он все никак не мог понять, почему так случилось, почему он ощущал себя настолько исключенным из окружающего мира. Если бухгалтер с объемом талии в 154 сантиметра или сублильный компьютерный нерд<sup>16</sup> способны устроить свою личную жизнь, почему, черт возьми, он никак не мог с этим справиться?

Соседка Суссер стояла в холодном свете на своей кухне и что-то жарила. Карл осторожно помахал ей. Слава богу, она быстро убралась к себе в то неудачное утро понедельника. Иначе неизвестно, что он мог бы наговорить.

Он устало посмотрел на дверную табличку: их с Виггой имена были заклеены более поздними исправлениями. Дело не в том, что он чувствовал себя одиноким в обществе Мортена Холланда, Йеспера и Харди – вот и теперь за забором слышался какой-то шум. Тоже ведь своего рода личная жизнь.

---

<sup>16</sup> *Нерд* (англ. nerd – зануда) – аналог русских понятий «ботаник», «зубрила».

Вот только не об этом он мечтал.

Обычно Карл еще с порога успевал угадать, какое блюдо его ожидает. Но запах, который он ощутил сейчас, не был похож на следствие кулинарных изысканий Мортена. По крайней мере, он надеялся, что чутье его не подвело.

– Привет! – прокричал он в гостиную, где ожидал увидеть Мортена и Харди.

Ни души. На открытой террасе, наоборот, происходила некая активная деятельность. В самом центре под навесом Карл разглядел постель Харди, тут же находились лекарства и все прочие причиндалы, а вокруг кучковались соседи, одетые в пуховики. Вся компания поглощала колбаски гриль и пиво. Судя по глупым выражениям их лиц, тусовались они уже несколько часов.

Карл попытался было локализовать резкий запах и схватил с кухонного стола кастрюлю, содержимое которой больше всего напоминало консервы, разогретые до степени разложения на атомы. В высшей степени неприятно. Особенно учитывая будущее этой самой кастрюли.

– Что тут происходит? – поинтересовался он, выходя на террасу и не спуская глаз с Харди, который лежал и молча улыбался, накрытый четырьмя одеялами.

– Ты знаешь, что у Харди на самой верхней части плеча появился участок, который реагирует на прикосновения? – спросил Мортен.

– Ну да, он говорил.

Мортен был похож на мальчика, которому в руки впервые попал порножурнал.

– А известно тебе, что у него появился слабый рефлекс в суставах среднего и указательного пальца на руке?

Карл покачал головой и посмотрел на Харди:

– Что это такое? Неврологическое соревнование? В таком случае давайте обойдемся нижними провинциями, ладно?

Мортен обнажил окрашенные красным вином зубы:

– Карл, а два часа назад Харди слегка пошевелил запястьем. Дьявол, у него получилось! Я аж позабыл об обеде.

Мортен восторженно раскинул руки, позволив разглядеть свою тучную фигуру. Он словно собирался напрыгнуть на Мёрка с объятиями. По крайней мере, мог попытаться это сделать.

– Дай мне взглянуть, Харди, – сухо произнес Карл.

Мортен откинул одеяло, обнажив белую как мел кожу Харди.

– Давай, дружище, я посмотрю, – сказал Карл, а Харди прикрыл глаза и сжал зубы так, что на скулах заиграли желваки.

Казалось, все без исключения импульсы были направлены через нервные стволы к запястью, находившемуся под пристальными взглядами. И лицевые мышцы Харди задрожали и трепетали еще долго, пока ему наконец не пришлось выдохнуть и оставить попытку.

– Оххх, – пронеслось в толпе, окружившей Харди.

Все дружно принялись ободрять его. Однако запястье не пошевелилось ни на миллиметр.

Карл с утешением посмотрел на Харди и отвел Мортена в сторону.

– Объясни мне, Мортен, для чего весь этот шум? Ты ведь отвечаешь за него, это твоя забота. Так что прекрати внушать этому бедолаге напрасные надежды, и хватит делать из него цирковую обезьяну. А теперь я поднимусь и переоденусь для пробежки, а ты тем временем отправишь людей по домам и вернешь Харди в комнату. Договорились? Позже обсудим.

Он не пожелал слушать никакие сомнительные оправдания. Оправдания понадобились Мортену, чтобы разогнать оставшихся гостей.

– Повтори, – говорил Мёрк полчаса спустя.

Харди спокойно смотрел на своего старого товарища:

– Это правда, Карл. Мортен не видел, но он стоял совсем рядом. Запястье дергалось. И у плеча немного почувствовалась боль.

– Почему же ты не смог повторить?

– Я не знаю точно, что именно сделал, но это произошло не случайно. Не просто судорога.

Карл прикоснулся рукой ко лбу парализованного друга:

– Насколько мне известно, это практически невозможно,

но допустим, я верю тебе. Только не представляю, что нам делать.

– Я знаю, – встрял Мортен. – У Харди в верхней части плеча еще сохраняется участок, не утративший чувствительности. Он и болит. Мне кажется, мы должны стимулировать это место.

Карл покачал головой:

– Харди, ты уверен, что это хорошая идея? Смахивает на какое-то сомнительное знахарство.

– Да, ну и что? – согласился Мортен. – Я все равно постоянно здесь. Чему это может навредить?

– Тому, что ты перепортишь все наши кастрюли. – Карл посмотрел в коридор. Снова одной куртки на вешалке не хватает. – А Йеспер не будет с нами ужинать?

– Он в Брёнсхойе у Вигги.

Странно. Что он забыл в холоднящем садовом домике? К тому же пасынок терпеть не может нового возлюбленного Вигги. Не потому, что парень пишет стихи и носит большие очки, а скорее потому, что декламирует свои стихи и требует внимания.

– А почему Йеспер там? Он ведь, дьявол его возьми, не забивает снова на занятия?

Карл покачал головой. Всего несколько месяцев до экзамена. Да еще эта идиотская система оценок и поганая реформа гимназий. Йесперу просто нужно было почаще приходить на занятия, подольше задерживаться и делать вид, что



он что-то учит. Иначе...

Тут цепь размышлений прервал Харди:

– Успокойся, Карл. Мы с Йеспером каждый день вместе занимаемся. Я проверяю его задания, прежде чем он отправляется к Вигге. Он все усваивает.

Усваивает? Звучало поистине сюрреалистично.

– А почему он все-таки у матери?

– Она ему позвонила, – ответил Харди. – Ей жаль, Карл. Она устала от своей жизни и хотела бы снова вернуться домой.

– Домой? Сюда?

Харди кивнул.

Карл был настолько потрясен, что испытал состояние, близкое к коллапсу. Мортену пришлось дважды ходить за виски.

Ночь была бессонной, а утро тоскливым. В итоге Карл, когда наконец добрался до кабинета, чувствовал себя более уставшим, чем накануне вечером, когда ложился в постель.

– Роза объявилась? – поинтересовался он, когда Асад поставил перед ним тарелку с непонятными комками.

Видимо, еда должна была Карла вдохновить.

– Я звонил ей вчера вечером, но ее не оказалось дома. Так ответила ее сестра.

– Хорошо. – Карл отмахнулся от вечно назойливой мухи и прикоснулся к одному из комков в сиропе, лежащих на та-

релке, но тот оказался крайне неподатливым. – А сегодня она придет? Сестра не сказала?

– Сестра Ирса придет, не Роза. Она уехала.

– Что ты сказал?! Куда уехала Роза? А сестра... Она придет к нам?! Ты шутишь? – Мёрк всю размахивал мухоловкой, хотя подобные телодвижения требовали некоторых энергозатрат.

– Ирса сказала, что Роза время от времени уезжает на пару дней, но это не имеет никакого значения. Роза вернется, она всегда возвращается, утверждает Ирса. А пока к нам придет Ирса и будет выполнять работу за сестру. У них нет лишних средств, чтобы упускать заработок Розы, сказала она.

Карл уставился на Асада:

– Ага! Не имеет никакого значения, что наш штатный сотрудник сматывается, когда ему приспичит. Просто чертовщина какая-то. Видимо, Роза ненормальная. – Он все ей выскажет, когда она вернется. – А эта Ирса... Она ни за что не пройдет через пост охраны на проходной, уж я об этом позабочусь.

– Ах да. Я уже уладил все с охраной и Ларсом Бьёрном, Карл. Все нормально, Ларсу все равно, лишь бы зарплата продолжала выплачиваться Розе. Ирса будет заменять Розу, пока та болеет. Бьёрн даже рад, что мы нашли замену.

– Уладил с Бьёрном? И ты сказал, что она заболела?

– Ну да, назовем это так, правильно?

Да это же мятеж чистой воды!

Карл взял трубку и набрал номер Ларса Бьёрна.

– Алло! – прозвучал голос Лизы.

И что теперь?

– Привет, Лиза. Разве это не номер Бьёрна?

– Да, я отвечаю на звонки. Руководитель полицейской службы, Якобсен и Бьёрн обсуждают ситуацию с личным составом.

– Ты не могла бы переключить меня на него? Он мне нужен буквально на пяток секунд.

– Наверное, речь идет о Розиной сестре?

На лице Карла появилась гримаса.

– Ты ведь не имеешь к этому никакого отношения?

– Карл, может, ты забыл, что за списки исполняющих обязанности отвечаю я?

Да он вообще этого не знал.

– То есть ты хочешь сказать, что Бьёрн утвердил на место Розы замену, не согласовав со мной?

– Ох, Карл, успокойся. – Она щелкнула пальцами на другом конце провода, словно хотела его разбудить. – У нас не хватает персонала. В данный момент Бьёрн утвердит кого хочешь. Только посмотри, кто работает в других отделах.

И даже ее смех не разрядил ситуацию.

Компания «Оптовая торговля К. Франдсена» представляла собой акционерное общество с собственным капиталом, составляющим какие-то жалкие двести пятьдесят тысяч

крон, но при этом оценивалось в шестнадцать миллионов. Одних только запасов бумаги по итогам последнего расчетного года хранилось на восемь миллионов, так что на данный момент они едва ли испытывали экономические трудности. Между тем проблема заключалась в том, что клиентами К. Франдсена были еженедельные и бесплатные газеты, а с ними финансовый кризис обошелся довольно жестко. Насколько Карл мог судить, данное обстоятельство с большой долей вероятности нанесло неожиданный и ощутимый удар по кошельку господина К. Франдсена.

Но особенно интересным было другое: похожая картина вырисовывалась и в отношении владельцев помещений, которые сгорели в Эмдрупе и на Стокгольмсгэде. Компания в Эмдрупе «Джей Пи Пи Беслэг А/С» имела годовой оборот в двадцать пять миллионов крон и в первую очередь обслуживала строительные рынки и крупные лесопилки. Вероятно, предприятие процветало до последнего времени, чего не скажешь о текущем моменте. Как и фирма на Эстебро, «Паблик консалт», занимающаяся составлением проектов для крупных архитектурных художественных студий и явно столкнувшаяся с такой уродливой и непробиваемой проблемой, как низкая конъюнктура.

Помимо серьезного ущерба, нанесенного текущей финансовой ситуацией, ничего общего между тремя неудачливыми компаниями не нашлось. Ни общих собственников, ни общих клиентов.

Карл барабанил пальцами по столу. А как обстояло дело с пожаром в Рёдовре в 1995-м? Может быть, тогда тоже пострадала фирма, внезапно оказавшаяся за бортом? Сейчас пригодилась бы помощь Розы, черт бы ее побрал.

– Тук-тук, – послышался голос за дверью.

«А вот и Ирса, – подумал Карл и бросил взгляд на часы. – Четверть десятого. Обалдеть как вовремя».

– Кто же в такое время приходит на работу? – сказал он, не поворачиваясь.

Этому Мёрк хорошо научился. Начальники, сидящие спиной к подчиненному, внушают почтение. Таких не проведешь.

– А разве мы договаривались о встрече? – прозвучал гнусавый мужской голос.

Карл развернулся в кресле так резко, что оно перекрутилось намного больше, чем было нужно.

Перед Мёрком стоял Лаурсен. Старина Томас Лаурсен, техник-полицейский и игрок в регби, внезапно сделавшийся обладателем целого состояния и тут же спустивший его, и вот теперь он работал в столовой на втором этаже.

– Господи, Томас, что тебе понадобилось у нас внизу?

– Твой симпатяга-ассистент спросил, не хочу ли я с тобой поздороваться.

В этот момент в дверь просунулась голова Асада. Что замыслил плут на этот раз? Неужели действительно начал наведываться в столовую? А как же его переперченные фир-

менные блюда и прочие «ужасы для желудка» домашнего изготовления?

– Я ходил за бананом, Карл, – сказал Асад и помахал желтой кривулькой.

Ради банана тащиться на второй этаж?

Карл кивнул. Асад прямо как обезьяна.

Они с Лаурсеном приветственно стукнулись кулаками, причем каждый надавил. Весьма болезненная шутка с прежних времен.

– Забавно, Лаурсен. Буквально недавно слышал о тебе от Идингга из Альбертслунда. Насколько я понял, ты добровольно вернулся в участок.

Тот помотал головой.

– Да-а... Вообще-то, я сам виноват. Банк меня надул, заставив сделать заем для инвестирования, а это оправданно, только если у тебя есть какой-то капитал. И вот теперь у меня ни шиша.

– Но у них у самих должно быть разрешение на покрытие долга, – со знанием дела изрек Карл (он слышал об этом из новостей).

Лаурсен кивнул. Вряд ли у него были какие-то сомнения в том, что Карл прав, но как ни крути, вот он снова здесь. Последний человек в столовой. Приготовление бутербродов и мытье посуды. Один из самых искусных техников-полицейских Дании. Какая потеря!

– Но я вполне доволен, – сказал он. – Я встречаюсь со

множеством старых знакомых по службе и при этом мне совсем не нужно идти вместе с ними на рабочее место. – Он устало улыбнулся, как в старые добрые времена. – Мне опостылела работа, Карл, особенно те моменты, когда я копался в расчлененках черт знает где всю ночь напролет. За пять лет не было ни дня, чтобы я не мечтал свалить. Так что деньги помогли мне выбраться из этого, пускай я потом и потерял их. Нет худа без добра.

Карл кивнул:

– Ты вот не знаешь Асада, но я-то уверен, что он притащил тебя сюда совсем не для того, чтобы обсудить столовское меню и пригласить тебя хлебнуть со старым коллегой мятного чайку.

– Он уже рассказал мне о письме из бутылки. Мне кажется, я более или менее в курсе. Можно взглянуть на письмо? Вот именно!..

Томас расположился поудобнее, пока Карл бережно извлекал письмо из папки, а Асад, вальсируя, принес в кабинет стальной поднос с гравировкой, на котором стояли три крошечные чашечки. Собравшуюся компанию окутал аромат мяты.

– Тебе обязательно понравится этот чай, – наливая из чайника, сказал Асад. – Он отлично помогает от всего. В том числе и вот тут. – Он слегка почесал между ногами, сопроводив жест красноречивым взглядом, чтобы не осталось никаких неясностей.

Лаурсен включил настольную лампу и направил ее прямо на документ.

– Известно, кто подготовил находку?

– Да, лаборатория в Эдинбурге, Шотландия, – отозвался Асад.

Он вытащил схему расследования, прежде чем Карл успел сообразить, куда ее запихнул.

– Анализ представлен вот здесь. – Асад положил бумаги перед Лаурсеном.

– Хорошо, – произнес Томас спустя несколько минут. – Насколько я вижу, расследование провел Гильям Дуглас.

– Ты его знаешь?

Лаурсен посмотрел на Карла с изумлением. С таким выражением на лице могла бы смотреть пятилетняя девочка, если бы ее спросили, знает ли она, кто такая Бритни Спирс. Нельзя сказать, что в глазах Лаурсена читалось особое уважение, но Карлу стало любопытно. Черт его знает, кто такой этот Гильям Дуглас, который родился на противоположной стороне Ла-Манша.

– Думаю, мы вряд ли сумеем тут что-то добавить, – сказал Лаурсен и поднял чашку с мятным чаем двумя крупными пальцами. – Наши шотландские коллеги сделали все возможное, чтобы сохранить бумагу и реконструировать текст различными световыми и химическими способами. Было обнаружено минимальное присутствие следов типографской краски, однако, видимо, не предпринималось никаких попы-



ток определить происхождение бумаги. На самом деле большую часть физического исследования они оставили нам. Документ побывал на криминально-техническом анализе в Ванлесе?

– Нет, но мне и в голову не пришло, что техническое исследование еще не завершено, – попытался артачиться Карл. Это было его ошибкой.

– Вот тут внизу написано. – Лаурсен указал на нижнюю строчку рапорта исследования.

Почему они этого не заметили? Дьявол!

– Роза, вообще-то, мне говорила, Карл. Но она сомневалась, что нам пригодятся сведения о бумаге, – вмешался Асад.

– Ну, тем самым она совершила грубейшую ошибку. Дай-ка взглянуть. – Лаурсен поднялся и протиснул кончики пальцев в карман штанов. А это весьма нелегко, если твои накачанные ляжки стиснуты узкими джинсами.

Карл прежде много раз видел лупы, подобные той, которую извлек Лаурсен. Небольшой четырехугольник, который можно разложить, чтобы установить на предмет исследования. Похоже на нижнюю часть небольшого микроскопа. Стандартное оборудование для коллекционера марок и других безумцев, но в профессиональном исполнении, с высококлассной линзой «Карл Цейсс», поистине необходимая вещь для такого технического специалиста, как Лаурсен.

Томас занялся документом и теперь бухтел что-то про се-

бя. Он очень тщательно изучал строку за строкой.

– Ты можешь разобрать еще какие-то буквы с помощью своей стекляшки? – поинтересовался Асад.

Лаурсен покачал головой, но промолчал.

Карлу приспичило покурить:

– Я выйду на минутку, ладно?

Коллеги почти никак не отреагировали.

Он уселся на один из столов в коридоре и уставился на кучу простаивающей оргтехники. Сканеры, ксероксы и тому подобное. Это ужасно раздражало. В следующий раз надо будет позволить Розе закончить дело, чтобы она не смылась в самом разгаре. Никудышное руководство.

Именно в этот неподходящий момент саморефлексии Карл услышал на лестнице серию ударов, похожих на удары баскетбольного мяча, медленно и планомерно скатывающегося вниз по ступенькам, затем последовал грохот, как от тачки, у которой сдулось колесо.

Перед ним возникла некая персона – этакая высокая старуха, вернувшаяся с морской прогулки в Швецию. Тяжелые туфли на высоком каблуке, плиссированная юбка в шотландскую клетку и почти столь же яркая сумка-тележка, которую дама тащила за собой, – все это буквально кричало о середине XX века. Эта дылда была клоном Розы, только с отчаянной блондинистой завивкой. Карлу показалось, что он ока-

зался на сцене вместе с Дорис Дэй<sup>17</sup> и не знает, где находится запасный выход.

Когда чувствуешь подобное замешательство, а у сигареты к тому же нет фильтра, можно обжечь пальцы.

– О черт! – закричал он и бросил окуроч на пол прямо перед красочной фигурой.

– Ирса Кнудсен, – как ни в чем не бывало представилась она и протянула ему растопыренные пальцы.

Карл обратил внимание, что ее ногти были покрашены ярко-красным лаком. Он и не думал, что близнецы бывают настолько похожи, но при этом могут кардинально разойтись по противоположным сторонам родового древа.

Карл собирался сразу продемонстрировать, кто тут главный, и вдруг осознал, что отвечает на ее вопрос:

– Ваш кабинет чуть дальше по коридору, напротив висящих на стене бумажек.

Он позабыл все, что до этого собирался сказать, о том, кто он такой и какую должность занимает. Он позабыл сделать ряд внушений о том, что поведение сестер крайне недопустимо и подобному безобразию как можно скорее должен быть положен конец.

– Я думаю, меня пригласят на небольшое совещание, как только я обоснуюсь. Скажем, через час? – Такова была ее заключительная реплика.

– Что это было? – спросил Асад, когда Карл вернулся в ка-

---

<sup>17</sup> Дорис Дэй (1924–2019) – американская певица и актриса, яркая блондинка.

бинет.

Тот бросил на него взгляд, полный бешенства.

– Что это было?! На минуточку, это проблема. Твоя проблема! Через час ты должен ввести сестру Розы в курс дел. Ясно тебе?

– Так это и есть Ирса? Та, что прошла мимо?

Карл подтвердил, прикрыв глаза.

– Ты понял? Ты ее проинструктируешь.

Затем он обратился к Лаурсену, который почти закончил изучение документа:

– Лаурсен, ты что-нибудь обнаружил?

Техник, переквалифицировавшийся в варщика картошки, кивнул и указал Карлу на нечто еле-еле видимое.

Карл наклонился к лупе. Ну да, ясно различима какая-то заноза размером с кончик волоска, а рядом – что-то круглое, крошечное и плоское, к тому же почти прозрачное.

– Это деревянная щепка, – сказал Лаурсен. – Я думаю, она откололась от кончика инструмента, которым написан текст, так как она располагалась в направлении написания и была плотно вдавлена в бумагу. Вторая находка – рыба чешуя. – Лаурсен выпрямился и поворачивал плечами. – Мы можем продвинуться дальше, Карл. Но нам придется отправить это в Ванлёсе, хорошо? Я не удивлюсь, если они довольно быстро определяют породу дерева, однако для того чтобы установить вид рыбы по кусочку чешуи, тебе, видимо, придется обратиться к экспертам-океанологам.

– Все вместе звучит очень любопытно, – вставил Асад. – Какой способный у нас коллега, Карл!

Способный? Он действительно это сказал?

Карл поскреб себя по щеке.

– Что еще ты можешь сказать относительно этого, Лаурсен? Есть еще что-нибудь?

– Да, я не понимаю, правша или левша написал это письмо, что, вообще-то говоря, странно, учитывая высокую степень пористости бумаги. В таких случаях всегда прослеживается наклон в определенном направлении. Отсюда можно заключить, что писали при затруднительных обстоятельствах. Возможно, на неровной поверхности или даже со связанными руками. Может быть, человек просто не умел достаточно хорошо писать. Кроме того, держу пари, что бумагу использовали для заворачивания рыбы. Насколько я вижу, есть остатки слизи, и это явно рыба́я слизь. Ведь нам известно, что бутылка была пустая, так что никакие рыбные останки не могли проникнуть внутрь во время ее нахождения в воде. Что касается вот этих теней на бумаге, ничего определенного не скажу. Возможно, они ничего и не значат, бумага явно немного заплесневела, однако более вероятным представляется то, что эти пятна образовались в результате долгого пребывания в бутылке.

– Как интересно! А что ты думаешь о письме в целом? Оно достойно изучения или это просто шалость мальчишек?

– Шалость мальчишек?.. – Лаурсен слегка вывернул верх-

нюю губу, так что обнажились два кривоватых передних зуба.

Это означало отнюдь не усмешку; скорее, сейчас следовало его внимательно выслушать.

– Я вижу на бумаге углубления, которые говорят о дрожащем почерке. Щепка, представленная вашему вниманию, давала узкую и глубокую царапину до тех пор, пока не сломалась. В некоторых местах след проступает настолько явно, словно сделан на виниловой пластинке. – Он покачал головой. – Нет, Карл, не думаю, что это детская шутка. Похоже, письмо написано трясущейся рукой. И опять-таки, возможно, что человек был до смерти напуган. Да-да, я готов прямо заявить: здесь все серьезно. Но конечно, никогда нельзя знать наверняка.

Тут вмешался Асад:

– Раз ты так тщательно изучал буквы, не удалось ли тебе расшифровать еще что-нибудь?

– Удалось, несколько штук. Но только до того места, где сломался кончик писчего инструмента.

Тут Асад протянул Лаурсену увеличенную копию письма:

– Ты не мог бы дописать те из своих догадок, которых тут еще не хватает?

Лаурсен кивнул и вновь приставил лупу к оригиналу. Поизучав первые строчки еще несколько минут, он сказал:

– Да, я предполагаю, что это так, однако голову на отсечение не дам.

И он дописал цифры и буквы, так что теперь первые строки обрели следующий вид:

ПОМОГИТЕ

ен... 6 ф. вравля 1996 н... по. тили

ас... сх.... ати. и... сно. ст. но. у.аут. опв... в

Бал... у... – Челов... р... ом 18... ко... ем. волос..

В течение некоторого времени они стояли и глазели на результат, пока Карл не прервал молчание:

– Тысяча девятьсот девяносто шестой! То есть бутылка путешествовала в море целых шесть лет, прежде чем ее выловили!

Лаурсен кивнул:

– Именно так. В годе я почти уверен, несмотря на то что девятки написаны зеркально.

– Наверное, поэтому твои шотландские коллеги и не смогли это установить.

Лаурсен пожал плечами. Наверняка.

Рядом расположился Асад, приподняв бровь.

– Что такое, Асад?

– Оказалось, как я и думал. Еще худшее дерьмо, – изрек он, выделяя интонацией последние три слова.

Карл с пристрастием посмотрел на текст.

– Если не удастся восстановить еще какие-нибудь буквы из второй части письма, нам придется очень, очень тяжело, – продолжил Асад.

Теперь Карл понял, что тот имел в виду. Из всех людей,

живущих на Земле, именно он заметил главную проблему. Человек, который прожил в этой стране всего несколько лет. Практически невероятно.

«Февраля», «похищены», «у автобусной остановки» – вот что должно было быть там написано.

Значит, автор этого письма не умел писать.



Ирса, расположившаяся в кабинете Розы, не слишком шумела, что было хорошим знаком. Ибо если бы она продолжила в том же духе, вылетела бы домой на третий же день, и Розе пришлось бы поскорее вернуться.

Им же нужны были деньги, по словам Ирсы.

Поскольку в архивах не нашлось никакой информации о похищении людей в феврале 1996 года, Карл взял папку с делами о пожарах и позвонил комиссару полиции Антонсену в Рёдовре. Лучше уж пообщаться с дубоголовой крысой из своего ведомства, чем с таким конторским грызуном, как Идинг. Почему этот придурок не отметил ничего в старом полицейском рапорте насчет экономического состояния предприятия, сгоревшего в Рёдовре? Карл посчитал это халатным отношением к обязанностям. Кроме того, газовщики ведь объяснили, что постройка не была подключена к газовой сети, тогда что же так мощно рвануло в этой развалюхе? Пока подобные вопросы не получили ответа, полиция должна была расследовать вероятность поджога с целью убийства и вообще принимать во внимание абсолютно все.

– А, – произнес Антонсен, когда Карла с ним соединили, – имеем честь беседовать с Карлом Мёрком, специалистом по расчистке от пыли старых дел, – закудахтал он. – Ну как, вы

уже обнаружили, кто убил «человека из Граубалле»?<sup>18</sup>

– Ага, и убийцу Эрика Клиппинга<sup>19</sup> тоже нашли, – парировал Карл. – А вскоре, кажется, раскроем еще одно из ваших старых дел.

Антонсен засмеялся:

– Я прекрасно понимаю, о чем ты. Говорил вчера с Маркусом Якобсеном. Хочешь узнать подробности о местном пожаре, случившемся в тысяча девятьсот девяносто пятом году? Рапорт не читал?

Тут Карл позволил себе свернуть пару ругательств, которые тупица Антонсен запросто мог бы отразить другими, не менее смачными.

– А как же. Такое впечатление, что, когда писали этот рапорт, старательно гнали строку. Работа кого-то из твоих ребят?

– О Карл, какой вздор. Идинг постарался на славу. Чего тебе не хватает?

– Информацию о компании, пострадавшей в пожаре, этот состряпанный на славу труд полностью игнорирует.

– Да-да, я примерно это и подозревал. Но у нас хранится кое-что на месте. Спустя несколько лет в компании проводилась ревизия, завершившаяся обращением в полицию. Из

---

<sup>18</sup> *Человек из Граубалле (Гроболла)* – утопленник, живший более 2000 лет назад, тело которого было найдено при добыче торфа близ селения Граубалле в середине XX в.

<sup>19</sup> *Эрик Клиппинг* (1249–1286) – один из датских королей, заколотый во сне; убийц так и не удалось найти.

этого все равно ничего не вышло, зато нам удалось узнать о компании кое-какие дополнительные подробности. Переслать по факсу или приползти к тебе на коленях и возложить к трону?

Карл рассмеялся. Нечасто встречались люди, способные отражать его нападки настолько обезоруживающе.

– Нет, я сам к тебе приеду, Антонсен. Можешь пока приготовить кофе. Нет-нет, – завершил Карл разговор, и никаких «до встречи».

Он немного посидел, уставившись в экран на бесконечное обсуждение по каналу «ТВ2 Новости» бессмысленного убийства Мустафы Хсоуня, очередной случайной жертвы разборок между преступными группировками. Видимо, полиция разрешила провезти его тело по улицам Копенгагена. Наверное, кое-кто, глядя на это, подавится своей клубничной овсянкой, красно-белой, как датский флаг.

Вдруг с порога донеслось:

– Когда будут задания?

Карл был шокирован. Как он мог не услышать шаги? Если такой дылде, как Ирса, удалось беззвучно подойти к его кабинету, а в следующий момент заорать, как бешеной антилопе, значит у него пошаливают нервишки.

Ирса отмахнулась:

– О, муха, терпеть их не могу. Они препротивные.

Карл проводил глазами насекомое. Бог его знает, где эта муха пряталась все это время. Он бросил папку с делом на

стол. Черт возьми, почему она не хлопнула?

– Я готова. Хотите проверить? – спросила Ирса голосом, удивительно похожим на голос Розы.

Хочет ли он проверить ее готовность? Вряд ли он желал чего-то меньше.

Карл оставил муху в покое и повернулся к Ирсе:

– Ты хотела бы чем-то заняться? Отлично. В общем-то, ты здесь для этого. Тогда для начала позвони в Комитет контроля за предприятиями и запроси счета компаний «Оптовая торговля К. Франдсена», «Паблик консалт» и «Джей Пи Пи Беслэг А/С» за последние пять лет, а также изучи их активы и краткосрочные займы. Ладно?

Она посмотрела на него так, словно он сделал ей какое-то непристойное предложение.

– Ну уж нет, можно, я не стану выполнять это задание?

Ничего хорошего такой ответ не предвещал.

– Почему нет?

– Потому что намного проще отыскать всю требуемую информацию в Интернете, к чему висеть на телефоне за двадцать минут до конца рабочего дня?

Карл попытался проигнорировать слова Ирсы, но его это скрылось в плиссированных складках ее юбки. Может, стоит дать ей шанс?

– Карл, взгляни-ка, – с порога обратился к нему Асад, немного посторонившись, чтобы пропустить Ирсу. – Я долго всматривался, – продолжил он и протянул Карлу копию

письма. – Что ты скажешь? Я долго думал, что в третьей строке упоминается Баллеруп, затем заглянул в путеводитель «Кракс» и просмотрел все улицы Баллерупа: единственная, которая подходит по написанию к слову перед буквой «в», – это улица под названием Лаутрупванг. Парень написал «Лаутроп», через «о», но ведь он не очень грамотный.

Секунду Асад следил взглядом за мухой, носившейся кругами под потолком. Затем он посмотрел на Мёрка.

– Так что скажешь, Карл? Как считаешь, может такое быть? – И указал на соответствующий фрагмент в копии.

### ПОМОГИТЕ

В день.6 февраля 1996 нас похиттили

Нас схватили у автобусной остановки  
у Лаутропванг в Баллерупе – человек ростом 18... ко...  
ем. волос..

Карл кивнул. Выглядело действительно довольно правдоподобно. В таком случае оставалось как можно скорее порыться в архиве.

– Ты киваешь. Значит, ты принял это. Ай, Карл, здорово! – воскликнул Асад, перегнувшись через стол и поцеловав его в макушку.

Мёрк отпрянул. Он еще мог допустить комки в сиропе и приторный чай. Но на эмоциональные порывы в свойственной жителям Ближнего Востока манере он совсем не рассчитывал.

– Итак, теперь нам известно, что это случилось либо шест-

надцатого, либо двадцать шестого февраля тысяча девятьсот девяносто шестого года – сосредоточенно продолжал Асад. – Мы также знаем где, что похититель – мужчина ростом более ста восьмидесяти сантиметров. Нам не хватает всего одного слова в последней строке, каким-то образом характеризующего его волосы.

– Верно, Асад. И еще какой-то мелочи в виде шестидесяти пяти процентов остального текста, – сказал Карл.

Однако в общем и целом интерпретация выглядела весьма похожей на правду.

Мёрк взял бумагу, поднялся и вышел в коридор посмотреть на увеличенную копию письма.

Полагая, что Ирса тем временем всю прочесывала счета пострадавших от пожаров компаний, Карл глубоко ошибался. Она стояла посреди коридора, абсолютно безразличная к происходящему вокруг, и заинтересованно изучала текст письма из бутылки.

– Эй, Ирса, нам надо тут кое-что сделать, – сказал Карл, но она не сдвинулась с места.

Карл уже знал, насколько заразительным бывает поведение сестер, и потому пожал плечами и оставил ее в покое. Рано или поздно у нее заболит шея от долгого стояния в такой позе.

Карл и Асад встали рядом с ней. Сравнивая предложенную Асадом трактовку и изображение текста, Карл не мог не согласиться с тем, что теперь получалось разобрать размы-

тые и все же вероятные очертания букв, которые ранее были абсолютно нечитабельными.

Да, действительно, все догадки Асада выглядели достоверно.

– Ну, вполне может быть и так. Совсем не глупо, – заметил Мёрк и поручил Асаду выяснить, не было ли все же в архиве заявления о каком-либо преступлении на улице Лаутруп-ванг в Баллерупе в тысяча девятьсот девяносто шестом году, которое тем или иным образом могло быть связано с похищением людей.

Он наверняка справится с заданием ко времени возвращения Карла из Рёдовре.

Антонсен сидел в своем небольшом кабинете. Карл вошел в невероятно душное помещение, пропитанное запахом трубочного табака и сигарилл. Никто никогда не видел, как Антонсен курит, и тем не менее он курил. Ходили слухи, что он оставался на работе после того, как все служащие расходились по домам, и пару раз затягивался в тишине и спокойствии. Год назад супруга Антонсена объявила, что он бросил курить. Однако так обстояло дело по ее мнению.

– Вот описание предприятия в Дамхусдален. – С этими словами Антонсен протянул Карлу пластиковую папку. – Как ты можешь видеть по первой странице, речь идет об импортно-экспортной компании, их партнеры зарегистрированы в бывшей Югославии. Так что явно у фирмы настал

непростой период, когда на Балканах развернулась война и все сокрушила. На сегодня «Амундсен энд Муяджич А/С» – вполне процветающее предприятие, однако, когда случился пожар, они оказались в экономической яме. В то время ничто не подтвердило подозрений в отношении фирмы, да мы и до сих пор не изменили своего мнения. Но если тебе есть что сообщить, милости просим.

– «Амундсен энд Муяджич». Муяджич – вроде югославская фамилия, верно? – уточнил Карл.

– Югославская, хорватская, сербская... не все ли равно? Я думаю, сейчас у них не осталось ни Амундсена, ни Муяджича, но ты можешь сам проверить, если хочешь.

– Весьма откровенно.

Карл немного поерзал на стуле и посмотрел на своего давнего коллегу.

Антонсен – правильный полицейский. Он был несколькими годами старше Карла и всегда занимал чуть более высокое положение; и все же им удавалось совместно вести дела, и это подтверждало, что они одного поля ягоды. Ни у кого, ни у единого человека не получалось сбить их с толку. Они оба были не из тех, кого можно заболтать или запросто похлопать по плечу или кто любит затеять в коридоре пустой треп. Если кто в личном составе и не отличался дипломатичностью, то именно эти двое. Вот почему Антонсен так и не стал начальником полиции, а Карл и вовсе ничего не добился. Вполне закономерно.



Но сейчас между ними возникло напряжение, терзавшее Карла, а все из-за этого дурацкого пожара. Ибо вновь Антонсен находился у руля.

– У меня складывается впечатление, – продолжил Карл, – что ключ к объяснению последних пожаров в Копенгагене можно отыскать в деле о пожаре в Рёдовре. Тогда было обнаружено тело с отчетливыми следами на фаланге мизинца, которые указывали на то, что жертва в течение многих лет носила кольцо. В точности такой же опознавательный знак имеется у сгоревших в недавних пожарах. И вот я задаю тебе вопрос: ты можешь утверждать со всей прямоотой, что в тот раз дело было расследовано тщательнейшим образом? Я спрашиваю без обиняков; ответь мне, и я ничего не стану предпринимать, мне просто нужно знать. Ты был как-то связан с этой фирмой? У тебя было или есть что-то общее с компанией «Амундсен энд Муяджич А/С» и поэтому ты повел дело именно таким образом и именно с теми людьми?

– Ты обвиняешь меня в чем-то противозаконном, Карл Мёрк? – Лицо Антонсена вытянулось. Все добродушие куда-то улетучилось.

– Да нет. Но я просто не понимаю, почему вы в тот раз не установили со стопроцентной точностью причину пожара и личность погибшего.

– Так ты, значит, обвиняешь меня в невыполнении моих профессиональных обязанностей?

Карл посмотрел ему в глаза:

– Да, обвиняю. Потому что мне нужно от чего-то отталкиваться дальше.

Антонсен протянул Карлу банку светлого «Туборга», и тот просидел с ней в руке до самого конца беседы. Старый лис сделал из своей банки большой глоток, вытер рот и выпятил нижнюю губу.

– Дело не вызвало у нас беспокойства, Карл, если отвечать напрямую. Пожар на чердаке и бомж, вот как все обстояло. И оно действительно как-то прошло мимо меня. Но не из-за того, о чем ты думаешь.

– Тогда почему?

– Потому что в то время Лола трахалась с одним из наших сотрудников и я сидел в глубоком кризисе.

– Лола?

– Да, черт возьми. Послушай, Карл. Мы с женой прошли через это. Сейчас все в порядке. Но я охотно признаюсь тебе в том, что мог бы больше внимания уделить тому делу.

– Ладно. Сойдемся на этом.

Мёрк встал и посмотрел на курительную трубку Антонсена, похожую на корабль, застрявший в пустыне. Скоро она вновь отправится в плавание. В рабочее время или после.

– Ах да, – остановил его Антонсен, когда Карл уже находился в дверях. – Еще кое-что. Помнишь, этим летом произошло убийство в высотке в Рёдовре? И я сказал тебе, что, если ваше отделение плохо обойдется с ассистентом полиции Самиром Гази, я надеру вам задницы? Я слышал, Самир

возвращается к нам. — Тут он взял трубку и слегка потер ее. — Почему он это делает, не знаешь? Он сам мне ничего не говорил, но, насколько мне известно, Якобсен был им вполне доволен.

— Самир? Не-е, я не в курсе. Я его довольно плохо знаю.

— Ну ладно. Тогда скажу тебе, что и в отделе «А» все удивлены, а вот я слышал, что тут каким-то образом замешан твой человек. Ты совсем-совсем не в курсе?

Карл задумался. Почему тут должен быть как-то замешан Асад? Он с первых дней старался держаться подальше от этого человека.

Настала очередь Карла выпятить нижнюю губу. А почему непременно Асад?

— Поспрашиваю, но я понятия не имею. Может, Самир просто захотел вернуться к лучшему в мире шефу, как тебе такая идея? — Он подмигнул Антонсену. — Большой привет Лоле.

Ирса стояла на том же месте, где ее оставил Карл: посреди подвального коридора перед сделанной Розой гигантской копией письма из бутылки. Она замерла, приподняв одну ногу, как фламинго, в состоянии, близком к трансу. К ним как будто вернулась Роза, только по-другому одетая. Аж как-то не по себе.

— Как дела с финансовой отчетностью из Комитета? — поинтересовался Карл.

Ирса взглянула на него с отрешенным видом, почесывая лоб карандашом. Оставалось только догадываться, заметила ли она вообще его присутствие.

Тогда Карл набрал побольше воздуха в легкие и снова попытался выдохнуть свой вопрос прямо ей на макушку. Это заставило женщину слегка вздрогнуть, но в целом ее реакция этим и ограничилась.

В тот момент, когда он уже собирался отвернуться, пребывая в полном замешательстве, как ему поступить с этими в высшей степени странными сестренками, – да обрушатся на него все силы ада, черт возьми! – она наконец спокойно ответила, произнося отдельно каждое слово:

– Я неплохо играю в скрэбл, разгадываю кроссворды, ребусы, справляюсь с ай-кью-тестами и sudoku, у меня получается писать стихи и песни на конфирмацию, серебряную свадьбу, день рождения или в честь иной важной даты. Но вот тут произошла какая-то заминка. – Она обернулась к Карлу. – Вы можете оставить меня в покое еще на какое-то время, чтобы я имела возможность поразмыслить над этим жутким письмом?

Может ли он оставить ее в покое? Она провела тут столько времени, за которое можно было доехать до Рёдовре и вернуться обратно, и он все еще должен оставить ее в покое? Строго говоря, Ирсе следует сложить все южные фрукты обратно в свою маленькую грязную сумку-тележку и в шотландском тряпье, вместе с волынкой и всем прочим барах-

лом проваливать в Ванлесе или откуда там она прикатила, черт ее возьми.

– Милая Ирса, – взял он себя в руки, – либо ты в течение ближайших двадцати семи минут предоставишь мне эти ничтожные счета, снабженные пояснениями, либо я сейчас же любезно попрошу фру Лизу с третьего этажа оформить тебе расчет за приблизительно четыре часа интенсивной работы. И в таком случае на пенсионные выплаты можешь не рассчитывать, ясно?

– Закрой рот. Извини за грубость, но прозвучало столько слов. – Она широко улыбнулась. – Кстати, неужели я забыла сказать, как тебе идет эта рубашка? У Брэда Питта есть похожая.

Карл опустил глаза на клетчатый кошмар из «Квикли», вдруг почувствовав себя в этом подвале удивительно бесприютным.

Он прошел в кабинет Асада. Тот сидел, водрузив ноги на верхние ящики стола и прижимая к иссиня-черной щетине телефон. Перед ним лежали десять шариковых ручек, которых теперь, естественно, Карл недосчитается в своих запасах, а под ними виднелись бумажки с какими-то именами, цифрами и арабскими каракулями. Асад говорил медленно, четко и удивительно чисто. Он излучал солидность и покой, в руке крепко держал крошечный картонный стаканчик с ароматным турецким кофе. Можно было вполне принять его за туристического агента из Анкары, которому

только что удалось заказать огромный самолет для перевозки тридцати пяти нефтяных шейхов.

Асад повернулся к Карлу и одарил его сдержанной улыбкой. Очевидно, его тоже требовалось оставить в покое. Настоящая эпидемия.

Не устроить ли себе в связи с этим профилактический сон в офисном кресле? В таком случае можно было бы сомкнув, веки, просмотреть фильм о пожаре в Рёдовре и надеяться на то, что дело окажется раскрытым, как только веки распахнутся.

Мёрк как раз успел усесться в кресло и задрать ноги, когда его прекрасный и способствующий продлению жизни план был прерван голосом Лаурсена:

– Карл, а у вас осталось что-нибудь от самой бутылки?

Карл заморгал.

– Ах от бутылки? – Перед его глазами мелькнул заляпанный жиром фартук Лаурсена, и он опустил ноги на пол. – Да, если для тебя в понятие «что-нибудь» входят три с половиной тысячи осколков размером с муравья, то у меня их целый пакет. – Он отыскал прозрачный пакет и поднял его на уровень глаз Лаурсена. – Ну что? По-твоему, это «что-нибудь»?

Тот кивнул и показал на один из осколков чуть крупнее остальных, лежащий на самом дне.

– Я только что разговаривал с Гильямом Дугласом, шотландским техником; он посоветовал мне отыскать самый

большой осколок бутылочного дна и провести ДНК-анализ крови, которая на нем осталась. Вот такой осколок. Ты сам видишь на нем кровь.

Карл уже собирался попросить у Лаурсена лупу, но все-таки смог увидеть кровь и без инструмента. Крови было немного, и она казалась совершенно разбавленной.

– Они что, не исследовали кровь?

– Нет, он говорит, что они брали на анализ только фрагмент самого письма. И еще Дуглас сказал, чтобы мы особенно ни на что не рассчитывали.

– Потому что?..

– Потому что слишком скудный материал для взятия пробы и потому что прошло слишком много времени. А еще условия внутри бутылки и факт ее нахождения в морской воде крайне неблагоприятны для сохранения наследственного материала. Тепло, холод, возможная примесь соленой воды, меняющееся освещение – все говорит о том, что ДНК не сохранилась.

– А ДНК может изменяться, когда разрушается?

– Нет, она не меняется, только разрушается. Слишком много неблагоприятных факторов; скорее всего, к сожалению, так оно и произошло.

Карл посмотрел на крошечное пятнышко на осколке.

– А что, если анализ ДНК все-таки удастся провести? Что нам это даст? Мы ведь не сможем идентифицировать тело, потому что его нет в наличии. Мы не сможем сравнить полу-

ченный материал с материалом родственников – где мы их возьмем? Мы ведь даже не знаем, кто автор письма, так каким образом это нам поможет?

– Вероятно, удастся определить цвет кожи, волос, глаз. Разве это не помощь?

Карл кивнул. Конечно, стоит попробовать. В отделении генной экспертизы Института криминологической медицины работали удивительные люди, Мёрк это знал. Он как-то слышал доклад заместителя заведующего отделением. Если кто-то и мог установить, что жертва являлась хромым шепелявым гренландцем из Туле, то именно они.

– Забирай эту дрянь и отправляйся, – согласился Карл, хлопая Лаурсена по плечу. – Скоро я поднимусь к тебе за говяжьим филе.

Лаурсен улыбнулся:

– Тогда не забудь захватить его сам.



Ее звали Лиза, но она называла себя Рахилью. Семь лет она прожила с мужчиной, от которого никак не могла забеременеть. Бесплодные недели, а затем месяцы в глиняных мазанках в Зимбабве, потом в Либерии. Классы, переполненные детишками, улыбки цвета слоновой кости на коричневых лицах, сотни бесконечных часов переговоров с местными представителями НДПЛ<sup>20</sup> и под конец встреча с «гориллос» Чарльза Тейлора. Мольбы о помощи и мире. В эту эпоху преподавателю, только что прошедшему подготовку на «Необходимом семинаре»<sup>21</sup>, было нелегко. Слишком много ловушек и злого умысла, но такова уж Африка.

Когда ее насильствовала целая группа солдат НДФЛ<sup>22</sup>, случайно проходивших мимо, ее возлюбленный даже не стал вмешиваться. Потому все и было кончено.

В тот же вечер она стояла на окровавленных коленях на веранде и, сложив руки, впервые за свою безбожную жизнь

---

<sup>20</sup> НДПЛ – Национальная демократическая партия Либерии.

<sup>21</sup> «Необходимый семинар» (Det Nødvendige Seminarium) – частный международный педагогический колледж в Дании.

<sup>22</sup> НДФЛ – Национальный патриотический фронт Либерии, группа повстанцев под военным руководством Чарльза Тейлора, инициировавших и принимавших участие в Первой гражданской войне в Либерии с 1989 по 1996 г.

призывала Царствие Небесное.

— Прости меня и оставь случившееся без последствий, — молилась она под грохочущим ночным непроглядным небом. — Оставь это без последствий и позволь мне обрести новую жизнь. Мирную жизнь с супругом и кучей ребятишек. Я прошу тебя об этом, дорогой Господь.

Утром, когда она собирала чемодан, у нее начались месячные, и она поняла, что Господь услышал ее. Грехи были прощены.

На выручку пришли люди из небольшой общины, недавно основанной в соседнем государстве Кот-д'Ивуар в городе Данане. Их кроткие лица неожиданно встретились ей на дороге A701; ей предложили пристанище после двухнедельных скитаний среди беженцев вдоль шоссе на Баобли и далее вплоть до границы. Люди, пережившие великую нужду и знавшие не понаслышке, что ране требуется время для исцеления. Так ей открылся новый смысл жизни. Господь услышал ее и указал, каким путем она должна направить свою жизнь.

Спустя год она уже вернулась в Данию, избавленная от дьявола и всех его деяний и готовая к поискам мужчины, который должен ее оплодотворить.

Его звали Йенс, но вскоре он стал зваться Йошуа. Его тело было прекрасно, он жил один на машинопрокатной станции, унаследованной от родителей, и Йенс обрел блаженство путей Господних между ее раздвинутых ног.

Вскоре община на окраине Виборга пополнилась двумя

приверженцами, а спустя десять месяцев Рахиль родила первенца.

С той поры Мать Господня даровала ей новую жизнь и была к ней милостива. Теперь у нее были дети: Йозеф восемнадцати лет, Самуэль – шестнадцати, Мириам – четырнадцати, Магдалена – двенадцати и Сара – десяти. Всегда с интервалом в двадцать три месяца.

Да уж, поистине Богомать печется о рабах своих.

Она уже не раз встречала этого новичка в Церкви Матери Божьей, и он одобрительно смотрел на нее и детей, когда они предавались хвалебным песнопениям. Они слышали лишь благие слова из его уст. Он производил впечатление искреннего и дружелюбного человека с широкой душой. Довольно симпатичный мужчина, который вполне может привлечь в общину новую положительную женщину.

Все складывалось хорошо, таково было общее мнение. Йошуа называл его порядочным.

Когда он в четвертый раз явился к ним в церковь, Рахиль абсолютно уверилась в том, что теперь он останется. Они предложили ему комнату у себя на хуторе, но он поблагодарил и отказался: объяснил, что уже остановился в другом месте и пытается найти себе дом для более длительного проживания. Он пробудет в их краях несколько дней и с удовольствием зайдет к ним в гости, если окажется неподалеку.

Так, значит, он подыскивает себе дом... Об этом тут же пошли разговоры в общине, особенно среди женщин. У него

сильные руки, хороший фургон, и он мог бы принести большую пользу своим товарищам. Наверняка он богат и успешен, к тому же хорошо одевается и весьма обходителен. Возможно, потенциальный священник. Или миссионер.

Они должны быть к нему еще более учтивы, чем обычно.

Прошли всего одни сутки, а он уже стоял у них на пороге и стучал в дверь. К сожалению, это был неудачный момент, ибо хозяйке нездоровилось – в висках стучало в преддверии менструации. Ей хотелось только одного – чтобы дети сидели по своим комнатам, а Йошуа занимался своими делами.

Однако Йошуа отворил дверь и усадил гостя на кухне за дубовый стол.

– Подумай о том, что, возможно, у нас не так много шансов, – шепнул он жене, чтобы убедить ее подняться с дивана. – Всего на четверть часа, Рахиль, а потом снова ляжешь.

С мыслью об общине, о том, насколько желанна для них свежая кровь, Рахиль встала, держась за низ живота, и вышла на кухню в твердой уверенности, что Богоматерь неспроста выбрала данный момент, подвергая ее испытанию. Она должна знать, что боль – только кара, наложенная Господом. Что тошнота – всего лишь пылающий песок пустыни. Она последователь церкви, а значит, ничто телесное не должно останавливать ее на этом пути.

Вот в чем было все дело.

А потому Рахиль встретила его с улыбкой на бледном лице и пригласила сесть и принять дары Господа.

Окутанный ароматом, исходившим от чашки с кофе, он рассказывал, что побывал в Левринге и Эльсборге, осматривая жилье; послезавтра или в понедельник он собирается в Равнструп и Ресен, где тоже есть подходящие варианты.

– Господи Иисусе! – воскликнул Йошуа, поспешно извинившись перед женой, ибо она терпеть не могла, когда он всуе поминал имя Сына Богоматери.

– В Ресен? – продолжил он. – Это не по пути ли к плантациям Съёрупа? Дом Теодора Бондесена, верно? В таком случае я могу позаботиться о том, чтобы вам он достался за нормальную цену. Пустует уже как минимум восемь месяцев. Если не больше.

По лицу мужчины скользнуло странное выражение. Йошуа этого, конечно, не заметил, зато заметила она. Выражение довольно неуместное.

– По дороге к Съёрупу? – переспросил мужчина, рыская по комнате взглядом в поисках опоры. – Не знаю. Но я расскажу вам в понедельник, после того как взгляну на дом. – Он улыбнулся. – А где ваши дети? Занимаются?

Рахиль кивнула. Он казался не слишком разговорчивым. Неужели она неправильно раскрыла его сущность?

– А где вы сейчас живете? – уцепилась она. – В самом Виборге?

– Да, в городе живет мой бывший коллега. Несколько лет назад мы вместе ездили. Теперь он пенсионер по инвалидности.

– Вот как. Организм изнашивался, как у многих других представителей вашей профессии? – спросила она и поймала его взгляд.

Он вновь смотрел на нее добрыми глазами. Ответил не сразу, но, может, он просто сдержанный. По крайней мере, нельзя считать это дурной чертой.

– Изнашивался? Нет, не в этом дело. Лучше бы было так, если можно этого пожелать. Нет, мой товарищ Чарльз потерял руку в ДТП.

Он ребром ладони показал, какой части руки лишился коллега, и Рахиль ощутила приступ дурноты. Неприятные воспоминания. Он верно истолковал ее взгляд и опустил глаза.

– Да уж, неприятная вышла история. Но он оправился. – Неожиданно поднял голову. – Кстати! Послезавтра в Виндерупе состоятся соревнования по карате. Я подумал спросить у Самуэля – может, он захочет поехать со мной? Хотя, возможно, ему рановато с его больным коленом... Как у него дела? Он ничего не сломал, упав с лестницы?

Рахиль улыбнулась и взглянула на мужа. Вот оно, проявление сочувствия и заботы, которые проповедовала их церковь. «Возьми руку твоего соседа и нежно погладь ее» – так всегда говорил их священник.

– Нет, – ответил муж. – Колено у него распухло, как ляжка, но через несколько недель он поправится. Так вы говорите, в Виндерупе? Там будет соревнование, на которое мож-

но приехать? – Он провел рукой по подбородку; наверняка вскоре захочет узнать подробности. – Мы можем спросить у Самуэля. Как ты думаешь, Рахиль?

Она кивнула. Конечно, если они вернутся к часу отдыха, будет здорово. Может, и остальные дети отправятся с ним, если захотят.

Он вдруг посмотрел на них с извинением:

– Ах да, мне бы это доставило огромное удовольствие, однако на переднем сиденье фургона можно разместиться только вдвоем, а сзади возить пассажиров запрещено. Но двоих я с радостью прихвачу. А остальных, может быть, в следующий раз. Как насчет Магдалены? Ей, случайно, не по вкусу такие развлечения? Она производит впечатление активной девочки. К тому же она, кажется, сильно привязана к Самуэлю?

Рахиль улыбнулась, а вслед за ней и ее муж. Прекрасное наблюдение и отличный вопрос. Создавалось ощущение, что в этот момент между ними установился близкий контакт. Словно он знал, насколько близки материнскому сердцу именно эти двое. Именно они из пятерых детей похожи на мать больше остальных.

– Отлично, вот и договорились. Да, Йошуа?

– Да, конечно, – улыбнулся муж.

С ним легко можно договориться, если только ему шлея под хвост не попадет.

Рахиль хлопнула по руке гостя, покоившейся на столе.

Удивительно, какой ледяной она оказалась.

– Я уверена, что Самуэль с Магдаленой с удовольствием поедут. Когда им надо быть готовыми?

Он поджал губы и принялся высчитывать время на дорогу.

– Соревнования начинаются в одиннадцать. Нормально, если я заеду к десяти?

Допив кофе, он собрал со стола чашки и ополоснул их, словно это само собой разумеется. Затем улыбнулся хозяевам, поблагодарил их за гостеприимство и попрощался.

Когда он ушел, божественный покой окутал дом.

Боль внизу живота оставалась, но тошнота прошла.

Как же чудесно чувство любви к ближнему! Наверное, это самый прекрасный дар Господа человечеству.



– У нас не все гладко, Карл, – сказал Асад.

Мёрк понятия не имел, о чем идет речь. Двухминутный сюжет на канале «Ди Эр Апдейт» о «зеленых» гуманитарных посылках, исчисляемых биллионами крон, погрузил его в мир сновидений.

– Что именно не так, Асад? – услышал Карл собственный голос откуда-то издалека.

– Я старательно искал и могу с уверенностью утверждать, что заявлений о похищении людей в этом районе не было. Ни единого происшествия за все время существования улицы Лаутрупванг.

Карл протер глаза. Действительно, не очень хорошая новость, он согласен. Если, конечно, сообщение из бутылки не было шуткой.

Асад стоял перед ним и держал в руках пластиковую бадью с арабскими надписями, до краев наполненную неопределенной субстанцией, из которой торчал выдавший виды нож для чистки овощей. Асад в предвкушении улыбнулся, отрезал кусочек и отправил его в рот. Над головой у него прожужжала недремлющая старая добрая муха.

Карл поднял голову. Может, стоит потратить немного энергии на то, чтобы ее прихлопнуть...

Он лениво огляделся в поисках смертоносного оружия

и обнаружил его лежащим прямо перед собой на столе. Пощипанная бутылка, сделанная из жесткого пластика, столкновения с которым гарантированно не перенесет ни одна муха.

«Осталось только хорошо прицелиться», – успел подумать он за секунду до того, как швырнул бутылку. Пробка была закручена не очень крепко. Хлопок по стене заставил Асада в изумлении посмотреть на светлую массу, медленно стекающую на пол.

И муха исчезла.

– Очень странно, – пробурчал Асад, не переставая жевать. – Я думал, что Лаутрупванг – это жилой квартал, а оказалось, это район с кабинетами и предприятиями.

– И? – спросил Карл, прикидывая, что за дерьмо бежевого цвета содержалось в его бутылке и издавало такую вонь. Неужели ваниль?

– Так вот, кабинеты и предприятия, – продолжал Асад. – Что же делал там человек, сообщивший, что его похитили?

– Может, работал? – предположил Карл.

Эта фраза исказила выражение лица Асада до гримасы, которую уместнее всего было бы трактовать как абсолютный скепсис.

– О Карл. Но он ведь даже не умел писать...

– Допустим, он не обладал природной грамотностью, Асад. Тебе знаком такой тип людей? – Мёрк повернулся к компьютеру и набрал название улицы. – Посмотри. Непо-

далеку от предприятий расположено множество учебных заведений, где могут получать образование иностранцы или молодые люди. — Он указал на один из адресов. — К примеру, приходская школа Лаутрупа. Школа для детей с социальными и психологическими проблемами. К тому же все-таки не исключено, что это мальчишеская шалость. Вот увидишь, когда мы дешифруем остаток письма, вполне может оказаться, что дети просто решили досадить преподавателю или нечто в этом роде.

— «Дешифруем», «досадить» — ты употребляешь столько странных слов, Карл... А что, если это кто-то из служащих одной из фирм? Там их полно.

— Да. Но тебе не кажется, что фирма в таком случае заявила бы в полицию о пропавшем сотруднике? Я прекрасно понимаю, о чем ты говоришь, но не будем забывать: никто никогда не заявлял ни о чем таком, на что имеются указания в письме. Кстати, не существует ли других Лаутрупвангов в стране?

Асад покачал головой.

— Значит, ты говоришь, что не считаешь это настоящим похищением?

— Ну да, что-то типа того.

— Мне кажется, Карл, ты ошибаешься.

— Хорошо. Асад, послушай. Если даже похищение действительно состоялось, кто может утверждать, что похищенный не был выкуплен в срок? Ведь могло такое произойти,

правда? А потом все предалось забвению. В таком случае мы ведь не станем продолжать расследование, верно? Может, о похищении знали всего несколько посвященных людей.

Асад мгновение смотрел на него.

– Да, Карл. Вообще-то, мы многого не знаем, но и не узнаем никогда, если ты говоришь, что нам стоит прекратить расследование.

Он смылся из кабинета молча, оставив контейнер со своим клейстером и нож на столе Карла. Что, черт возьми, с ним случилось? Неужели реакция на неграмотность и иностранцев? Обычно он спокойно воспринимает намного более обидные вещи. Или настолько поглощен этим делом, что не в состоянии сосредоточиться ни на чем ином?

Карл наклонил голову и прислушался к голосам Асада и Ирсы, доносившимся из коридора. Жалобы, жалобы, жалобы. Ничего больше – сто процентов.

Потом Мёрк вспомнил о вопросе Антонсена и поднялся:

– Разрешите мне на секунду прервать ваше воркование?

Он приблизился к двум своим сотрудникам, расположившимся перед огромной копией письма. Ирса стояла тут с того момента, как передала ему добытые счета акционерных обществ. В общей сложности уже четыре-пять часов за текущий день, не замечая ничего.

– Воркование! Ты фильтруй мысли в мозгах, прежде чем говорить, – выдала Ирса и вновь обратилась к копии письма.

– Асад, послушай, комиссар полиции в Рёдовре получил

ходатайство от Самира Гази. Самир хочет вернуться на их участок. Тебе что-то известно об этом?

Асад непонимающе посмотрел на Карла, но явно насторожился:

– Почему мне должно быть что-то известно?

– Ты ведь избегал Самира, верно? Может, то, что вы друг другу не понравились, сыграло какую-то роль? Я прав?

Ему показалось или Асад действительно выглядел обиженным?

– Я не был знаком с этим человеком. Видимо, он просто желает вернуться на прежнее место работы. – Тут Асад чересчур широко улыбнулся. – Может, ему пришлось не по душе напитки в булочной?

– А, именно это я и должен сказать Антонсену, да?

Асад пожал плечами.

– У меня есть еще несколько слов, – вклинилась Ирса, схватила стремянку и притащила ее на прежнее место. – Буду писать карандашом, чтобы потом легче было стереть, – прокомментировала она с предпоследней ступеньки. – Ну вот, теперь это выглядит так. Всего лишь предположение. Особенно после слов «У него» мне пришлось додумывать. Но три двухбуквенных слова подряд в одном предложении – не совсем обычно, так почему бы и нет? А еще автор письма имел большие проблемы с правописанием, но кое-где это даже помогает, так мне кажется.

Асад и Карл переглянулись. Разве они сами уже не гово-

рили ей об этом?

– Например, я абсолютно уверена, что вместо «урож» должно было быть написано «урожал», то есть имелось в виду «угрожал». – Она обвела взглядом свою работу. – А, да, еще я уверена, что слово «синии» – это «синий», но крючок от буквы «й» исчез. Ну, смотрите сами.

ПОМОГИТЕ

В день.6 февравля нас похиттили

Нас схватили у автобусной остановки  
у Лаутропванг в

Баллерупе – человек ростом 18. с короткеми  
волосами

..... – У

него шрам на прравом... у...

... синии фургон Папа и мама знакоммы с ним – Фр.  
д... о.

... с Б

– ...

урожал нам

...

В...

–

он убьет нас

–

... рю..... о

.....

рст...

Брат – Мы ехали почти 1 час..... у вады...

... мы

.....

Здесь плоха пахнет

— ...

е...

....

р.... рю. г

— .....

Лет

П.....

— Что скажете? — спросила она, не глядя в их сторону.

Карл несколько раз перечитал письмо. И вынужден был признать, что выглядело вполне убедительно. Вряд ли это подстава для преподавателя или еще какой-то персоны, чем-то насолившей автору.

Хотя призыв о помощи и выглядел аутентичным, полной уверенности не было. Нужно дать на изучение эксперту. Если и он подтвердит подлинность письма, несколько фраз должны вызывать особую обеспокоенность.

Там написано «Папа и мама знакомы с ним». Такое вряд ли можно придумать. И наконец, «он убьет нас». Без какого бы то ни было «возможно».

— Мы не знаем, где именно на теле у похитителя шрам, и это меня бесит, простите за мой французский, — добавила Ирса, запустив руки в свои золотые локоны.

— Есть множество частей тела, состоящих из трех букв, — продолжила она. — Особенно если учесть, что он не умеет пи-

сать. Ухо, зуб, рот, шея, лоб, нос. Вам не кажется, что можно исходить из того, что шрам располагается где-то на голове? По крайней мере, мне не удастся придумать ничего из трех букв, расположенного на туловище. Может, вы сумеете?

– Ну, – произнес Карл после небольшой паузы. – Ну, например, бок. Но ты права, помимо этого, видимо, не существует больше слов из трех букв, обозначающих часть тела. И все-таки вряд ли речь идет о торсе. Я думаю, шрам должен быть на открытом месте.

– А что может быть за открытое место в январе месяце в этой стране-морозильнике? – спросил Асад.

– Он мог быть без одежды, – предположила Ирса и просяла. – Он мог быть маньяком. Возможно, поэтому и похищал людей.

Карл кивнул. Вполне может быть. К сожалению.

– Когда так холодно, открыта только голова, – продолжил Асад, уставившись на ухо Карла. – Уши могут быть видны, если волосы не слишком длинные, там и мог быть шрам. А что насчет рта? Вообще, возможен ли шрам на рту? – Он, очевидно, попытался представить себе такую картину. – Да нет, никакого шрама, – подвел он итог. – Только не на рту. Не может такого быть.

– Так, друзья, давайте пока остановимся. Мне кажется, у нас будет более ясное представление о внешности преступника, если генетической экспертизе удастся обнаружить в бутылке какой-либо стоящий участок ДНК. Нам следу-



ет подождать, ибо это займет некоторое время. У вас есть предложения, каким образом мы можем продвинуться далее именно сейчас?

Ирса повернулась к ним:

– Да, пришло время перекусить! Не хотите пряных булочек? Я прихватила с собой тостер!

Когда коробка передач начинает шуметь, требуется долить свежего масла, а в данный момент отдел «Q» испытывал невероятные сложности с ускорением.

«Пришла пора поменять масло», – подумал Карл и обратился к Ирсе и Асаду:

– Покопаемся немного в имеющемся у нас на данный момент наборе фактов и попытаемся посмотреть на вещи с новой стороны. Вы готовы?

Они кивнули. Асад, может, чуть помедлил – все-таки фраза была довольно сложной.

– Отлично. Тогда, Асад, ты возьмешь на себя счета акционерных обществ. А ты, Ирса, займешься обзвоном организаций в районе Лаутрупванг.

Карл одобрительно кивнул. Конечно же, такой свежий женский голос, как у нее, просто необходим, чтобы заставить кабинетных зануд лишний раз заглянуть в архив.

– Заставь руководство спрашивать у старых работников, не припомнит ли кто-либо из них учеников или сослуживцев, которые вдруг исчезли, – проинструктировал он. – И еще, Ирса, снабди их ключевыми фактами о происшествии

в феврале тысяча девятьсот девяносто шестого года. Напомни им, что квартал тогда только застроили.

Видимо, Асад не выдержал несправедливости и поспешил убраться к себе в кабинет. Несомненно, ему не понравилось распределение ролей. Но здесь решал Карл, так что Асаду пришлось смириться. К тому же дело о пожарах более насущное, и не менее важно, что им можно скорее прихвастнуть перед коллегами из отдела «А».

Так что Асад преодолел досаду и засучил рукава. Тем временем письмо из бутылки пускай, как умеет, исследует Ирса.

Карл подождал, пока она покинет его кабинет, и отыскал телефонный номер больницы спинномозговых травм в Хорнбэке.

– Я хочу поговорить с главным врачом, только с ним, – заявил он, зная, что не имеет права ничего требовать.

Прошло пять минут, прежде чем голос первого помощника главного врача наконец послышался из трубки. Нельзя сказать, что эскулап обрадовался.

– Да, я прекрасно знаю, кто вы такой, – устало сказал он. – Предполагаю, вы по поводу Харди Хеннингсена?

Карл кратко обрисовал ему ситуацию.

– Так, – пробурчал себе под нос врач.

И почему, стоит только врачу повиситься в должности на пару ступеней, его голос вдруг приобретает этот противный назальный оттенок?

– Вы хотите узнать, вероятно ли, чтобы нервные цепоч-

ки восстановились в случае, подобном Харди? Видите ли, он больше не находится под нашим ежедневным наблюдением, а потому мы не имеем возможности делать необходимые измерения. Вы забрали его домой по собственной воле, не забывая об этом. Несмотря на все наши предупреждения.

– Если бы Харди остался у вас, вскоре его можно было бы считать мертвецом. По крайней мере сейчас у него появилась хотя бы какая-то воля к жизни. Неужели это не имеет значения?

На другом конце провода повисло молчание.

– Не мог бы кто-то из вас приехать и осмотреть его? – продолжил Карл. – Возможно, это даст повод оценить ситуацию по-новому. Я имею в виду, для нас с ним.

– Вы говорите, он почувствовал какое-то движение в запястье? – наконец произнес главный врач. – Мы и прежде отмечали движение в паре суставов пальцев – не исключено, что он путает с этим... Могут быть просто рефлексy.

– То есть вы утверждаете, что его поврежденный спинной мозг никогда не сможет функционировать лучше, чем в данный момент?

– Карл Мёрк, мы не обсуждаем, будет ли он когда-нибудь ходить, ибо этого не произойдет. Харди Хеннингсен навеки прикован к постели, парализованный ниже головы, так-то вот. А окажется ли он в состоянии ощущать что-то некоторыми участками этой самой руки – совсем другой вопрос. Не думаю, что нам следует ожидать чего-то большего, чем

подобные слабые сокращения.

– То есть никакого движения рукой?

– Я себе этого не представляю.

– И вы не осмотрите его у меня дома?

– Я этого не сказал. – Он порылся в бумагах. Наверняка листал календарь. – Когда вам удобно?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Посмотрим, что я могу сделать.

Когда Карл чуть позже решил заглянуть к Асаду, того на месте не оказалось. На столе лежала записка. «Вот цифры», – гласила она, а внизу стояла тривиальная подпись: «Всего доброго, Асад».

Неужели он действительно так сильно обиделся?

– Ирса! – закричал Карл в коридор. – Ты не знаешь, где Асад?

Ответа не последовало.

«Если гора не идет к Магомету, тогда Магомет идет к горе», – решил Мёрк и ринулся к ней в кабинет.

Но резко затормозил, едва просунув голову в дверь, как будто прямо перед ним мелькнула молния.

Вместо спартанского черно-белого шкафа Розы явилось нечто, достойное повторения не одним поколением девочек, помешанных на Барби. Неимоверно много розового цвета, куда ни кинь взгляд, и огромное количество бижутерии.

Карл сглотнул и обратился к Ирсе:

– Ты не видела Асада?

– Да, он ушел около получаса назад.

– Почему?

Она пожала плечами:

– У меня готова половина отчета о лаутрупвангской истории, хочешь ознакомиться?

Он кивнул.

– Удалось что-нибудь обнаружить?

Ирса сверкала своими по-голливудски накрашенными губами.

– Ни черта. Кстати, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя улыбка, как у Гвинет Пэлтроу?<sup>23</sup>

– Разве Гвинет Пэлтроу не женщина?

Она кивнула.

Мёрк поспешил вернуться к себе в кабинет и набрал домашний номер Розы. Несколько дней, проведенных с Ирсой, – и тут будет настоящий сумасшедший дом. Ради сохранения отделом «Q» сомнительного знамени Розе придется как можно быстрее вернуться за свой рабочий стол.

Но услышал только автоответчик.

«Автоответчик Розы и Ирсы сообщает о том, что дамы отправлены на аудиенцию к королеве. Как только прием закончится, мы перезвоним вам. Вы можете продиктовать свое сообщение, если ваше дело не требует отлагательства». Затем последовал звуковой сигнал.

---

<sup>23</sup> Гвинет Пэлтроу (р. 1972) – американская актриса и певица.

Кто из них двоих надиктовал эту фразу, бог его знает.

Затем Карл погрузился в свое кресло и затаился. Кто-то сказал ему, что сейчас неплохо работается в почтовой службе доставки.

Звучало как мечта о рае.

Спустя полтора часа Карл вошел к себе в гостиную и увидел склонившегося над кроватью Харди врача, а рядом стояла Вигга собственной персоной.

Мёрк вежливо поздоровался с врачом и немного подвинул Виггу.

– А ты что тут делаешь, Вигга? Если хотела повидаться, могла бы сначала позвонить. Ты знаешь, что я не люблю подобные спонтанные вторжения.

– Карл, дорогой, – она погладила его по щеке с каким-то шипением (поистине более чем настораживающий жест), – я думаю о тебе каждый божий день, и решила вернуться домой, – выдала Вигга довольно уверенно.

Карл вытаращил глаза. Она действительно намеревается устроить эту красочную оргию на грани развода?

– Вигга, ты не можешь. Я совершенно в этом не заинтересован.

Она несколько раз моргнула:

– Но этого хочу я. А половина дома пока еще принадлежит мне, друг мой. Не забывай.

Вот тут Карл и разразился приступом ярости, так что док-

тор вздрогнул, а Вигга расплакалась. Когда такси наконец-то увезло ее прочь, он взял самый толстый маркер, какой только смог отыскать, и провел черную жирную черту на табличке поверх надписи «Вигга Расмуссен». Дьявол, давно было пора.

И будь что будет.

Результатом неизбежно явилось то, что большую часть ночи Карл провел полусидя в кровати за бесконечной воображаемой беседой с бракоразводными адвокатами, которые полкоть запустили руки в его кошелек.

Это его разорит.

Так что присутствие врача из клиники спинномозговых травм служило лишь скромным утешением. Даже то, что он все же смог вполне отчетливо констатировать пускай и довольно слабую активность в руке Харди. Как и то, что врач был приятно удивлен.

Следующим утром Мёрк стоял в проходной полицейского участка уже в половине шестого. Остаться в кровати дольше было бессмысленно.

– Какая приятная неожиданность, Карл, что ты пришел в такое время суток, – поприветствовал его охранник. – Уверен, и твой помощник будет приятно удивлен. Только осторожнее там, внизу, не напугай его.

Карл переспросил:

– Что ты имеешь в виду? Асад уже тут? Сейчас?

– Да. Он теперь каждый день в это время приходит. Обычно почти в шесть, но сегодня около пяти. Ты разве не знал? Карл понятия не имел.

Асад уже успел помолиться в коридоре, ибо его молитвенный коврик еще лежал на полу и в тот день Карл впервые его увидел. В остальном ничего необычного. Кабинет Асад обустроил по-своему.

Карл ясно слышал, как Асад с кем-то разговаривал по телефону, причем его собеседник как будто был туговат на ухо. Разговор вели на арабском языке, и общий тон беседы не казался дружелюбным, хотя на этом языке иногда сложно определить настрой.

Мёрк сделал шаг к двери и увидел, как пар от кипящего чайника окутывает Асада. Перед ним лежали какие-то записи на арабском, а на плоском экране мерцало не очень качественное изображение пожилого человека с усами и в огромных наушниках. Теперь Карл заметил, что и на Асаде надета гарнитура. Значит, он разговаривает по «Скайпу». Вероятно, с кем-то из своей сирийской родни.

– Доброе утро, Асад, – поздоровался Мёрк.

Он никак не ожидал такой бурной реакции. Слегка вздрогнуть – еще ладно, все-таки Карл впервые так рано пришел на работу; но Асад буквально подпрыгнул на месте – Карлу это показалось неожиданным.

Пожилой мужчина, с которым разговаривал Асад, встревожился и придвинулся ближе к экрану. Скорее всего, на



своем мониторе он видел очертания Карла за спиной у Асада.

Мужчина поспешно произнес несколько слов, после чего прервал соединение. Асад тем временем пытался прийти в себя, сидя на краешке стула.

– Что ты тут делаешь? – сверкнул он глазами, словно его застучали погрузившим обе лапы в кассу с деньгами, причем размер кассы ощутимо превышал коробку из-под печенья.

– Извини, Асад. Я не собирался пугать тебя до смерти. Ты в порядке? – Карл положил руку ему на плечо.

Оно было мокрым и холодным от пота.

Асад кликнул мышкой на иконку «Скайпа», и картинка на экране сменилась. Может быть, Асад не хотел, чтобы Карл увидел, с кем именно он разговаривал.

Карл в извиняющемся жесте поднял руки:

– Не буду тебе мешать. Занимайся своими делами. Зайдешь ко мне попозже.

Асад за все время не произнес ни слова. Что было очень-очень не похоже на него.

Опустившись в кабинетное кресло, Карл уже почувствовал усталость. Всего несколько недель назад подвал под полицейским участком был в его полном распоряжении. Два сносных сотрудника и обстановка, которую в прежние времена можно было бы назвать уютной. Теперь Розу сменила такая же странная особа, но странная по-своему, а Асад сделался сам не свой. На этом фоне сложно было оставаться

в стороне от прочих жизненных неприятностей. Например, Карла очень волновало, что произойдет, если Вигга потребует развода и половину имущества.

И тут дерьмо.

Карл поднял взгляд на плакат, повешенный им несколько месяцев назад. Тот гласил: «Шеф королевской полиции». Должность что надо, подумал он. Сотрудники, которые кланяются и стелются, рыцарский крест, дешевые поездки и уровень зарплаты, который даже Виггу заставит аплодировать. Семьсот две тысячи двести семьдесят семь крон, а еще откупные... Пока произнесешь эту сумму вслух, уйдет почти целый рабочий день.

Обидно, что нельзя податьсь на такую службу, подумал он.

В этот момент перед ним предстал Асад:

– Карл, может, сначала поговорим об этом?

О чем? О том, что он трепался по «Скайпу»? О том, что Асад так рано уже на работе? О том, что он перепугался?

Очень странный вопрос.

Карл покачал головой и посмотрел на часы. Оставался еще час до начала рабочего дня.

– Так, Асад, для чего ты так рано пришел на работу – это твое личное дело. И я с пониманием отношусь к тому, что хочется поговорить с людьми, которых не так часто видишь.

С его души упал почти весь груз. Снова что-то странное.

– Я просмотрел счета «Амундсен энд Муяджич А/С» из

Рёдовре, «К. Франдсена» с Дортеавай, а также «Джей Пи Пи Беслаг» и «Паблик консалт».

– Хорошо. Ты обнаружил что-то, о чем хотел бы мне рассказать?

Асад скреб свои черные кудри на голове так зверски, что показался кусочек кожи на макушке.

– Большую часть времени они функционируют как довольно солидные фирмы.

– Да, и что дальше?

– Но только не в месяцы, предшествовавшие пожарам.

– Каким образом ты это установил?

– Они берут кредиты. Значит, у них меньше заказов.

– То есть становится меньше заказов, затем у них не хватает денег и они занимают?

Асад кивнул:

– Именно так.

– А дальше что?

– Что дальше – можно пока видеть только на примере Рёдовре. Остальные пожары недавние.

– И что там произошло?

– Так, сначала случился пожар, затем они получили страховку и выплатили кредит.

Карл потянулся за пачкой сигарет и закурил. Классика. Афера со страховкой. Но при чем здесь трупы с углублениями на мизинцах?

– О кредитах какого рода идет речь?

– Краткосрочные. На год. Для компании, сгоревшей в субботу – «Паблик консалт», что на Стокгольмсгэде, – вообще всего на полгода.

– Срок платежа истекает, а у них по-прежнему нет денег?

– Насколько мне удалось установить, да.

Мёрк выпустил струю дыма, так что Асад отклонился назад и замахал руками. Карл проигнорировал этот жест. Тут его владения и его дым. Что ни говори, а разница между королем Саломоном и шляпником Йоргеном<sup>24</sup> все же имеется.

– Кто предоставил им кредиты? – спросил он.

Асад пожал плечами:

– Всегда разные организации. Копенгагенские банки.

Карл кивнул:

– Предоставь мне названия и узнай, кто за ними стоит.

Асад слегка приуныл.

– Так-так, спокойно, Асад – когда конторы откроются.

Еще пара часов. Спокойствие.

Однако этот призыв не заставил Асада повеселеть, скорее наоборот.

Как же это раздражает! У обоих помощников язык как помело, но при этом вечное скрытое недовольство. Как будто они с Ирсой заразились друг от друга. Как будто это они дают задания. Если бы такое было возможно, они заставили бы друг друга натянуть зеленые резиновые перчатки и натирать

---

<sup>24</sup> Персонажи водевиля датского писателя Й. Л. Хайберга «Король Саломон и Йорген-шляпник».

в подвале пол, пока тот не станет похож на зеркало.

Асад поднял голову и спокойно кивнул:

– Я не буду тебя тревожить, Карл. Заходи сам, когда закончишь.

– Ты о чем?

Он подмигнул. На лице появилась кривоватая улыбка. В высшей степени сбивающая с толку трансформация.

– У тебя ведь теперь руки развязаны, – выдал он и снова подмигнул.

– Давай по порядку. О чем, черт возьми, ты толкуешь, Асад?

– О Моне, конечно. Только не говори мне, что ты не знаешь, – она вернулась.

Как и сказал Асад, Мона Ибсен вернулась. Вся сияя от тропического солнца и переизбытка впечатлений, о которых свидетельствовали деликатные, но вполне очевидные морщинки вокруг глаз.

Тем утром Карл долго сидел у себя в подвале и подыскивал слова, способные сокрушить ее потенциальную оборону. Заставить Мону посмотреть на него мягким, нежным взглядом, говорящим о готовности к сотрудничеству, если она вдруг решит заглянуть.

Но этого не случилось. Единственным проявлением женского присутствия в то утро оказался грохот Ирсиней тележки, да еще спустя пять минут она – несомненно, с самыми добрыми намерениями – завопила на весь коридор своим невыносимым дискантом: «Мальчики, кому булочки из „Нетто“?» Как тут не почувствовать себя в стороне от спокойной обстановки, воцарившейся на верхних этажах?

Несколько часов потребовалось Карлу на то, чтобы осознать: хочешь попытать счастья, придется подняться и самому пуститься на охоту.

Распросив коллег, он застал Мону в отделении судебных слушаний за приятной беседой с референтом. На ней была кожаная куртка и линялые джинсы «Ливайс», и она совершенно не производила впечатление женщины, преодо-

левшей большую часть жизненных соблазнов.

– Здравствуй, Карл, – сказала Мона, не предполагая продолжения разговора.

Она посмотрела на Карла взглядом, полным безразличия, а поскольку в данный момент общего дела у них не было, он только и смог, что улыбнуться, не произнеся ни единого слова.

Остаток дня мог бы пройти впустую в бесконечных размышлениях на тему его угасшей сексуальной жизни, но у Ирсы были другие планы.

– Кажется, мы попали на след в Баллерупе, – произнесла она, показав налипшие на передние зубы крошки и безуспешно стараясь скрыть свой восторг. – Я настоящий ангел счастья. Точно как написано в моем гороскопе.

Карл взглянул на Ирсу с надеждой. В таком случае ее ангельские крылья пригодились бы как нельзя кстати, чтобы занести ее куда-нибудь повыше в стратосферу, – тогда наконец наступит тишина и никто ему не мешает думать о своем печальном уделе.

– Большой заморочкой оказалось получить эти сведения, – продолжала она. – Сначала разговор со школьным инспектором из городской школы Лаутрупа, но он пришел на это место только в две тысячи четвертом. Затем с учительницей, которая работает там со дня основания школы, но она ничего не знает. Потом – со сторожем, и ему ничего не было известно, потом...

– Ирса! Если эти рельсы в конце концов куда-то привели, пожалуйста, пропусти промежуточные маневры. У меня куча дел, – прервал Мёрк, потирая затекшую руку.

– Ага, после я позвонила в Инженерную народную школу и вот там-то кое-что накопила.

Рука наконец отошла.

– Потрясающе! – воскликнул он. – Каким образом?

– Очень просто. Там в администрации оказалась преподавательница Лаура Манн, которая как раз сегодня вышла после больничного. Она и рассказала мне, что работает там с самого дня основания в тысяча девятьсот девяносто пятом году и что речь может идти лишь об одном случае, если ей не изменяет память.

Карл выпрямился:

– Да, о каком же?

Ирса посмотрела на него, наклонив голову.

– Ага. Интерес нарастает, парниша? – Она шлепнула его по предплечью. – Не терпится поскорее узнать?

Что, черт возьми, происходит? По меньшей мере сотня сложнейших дел за все эти годы, и вот он сидит тут и играет в «почемучку» с какой-то случайной сотрудницей в салатových колготках!

– Какой случай она припомнила? – повторил свой вопрос Карл и слегка кивнул Асаду, просунувшему голову в дверь. Тот выглядел бледновато.

– Вчера звонил Асад и интересовался тем же самым. Дру-



гие сотрудники обсуждали между собой за утренним кофе, и эта дама случайно услышала, – продолжала Иrsa.

Асад слушал с интересом.

– Случай сразу же всплыл в ее голове, – рассказывала Иrsa дальше. – У них тогда был один выдающийся ученик. Парень с каким-то синдромом. Он был достаточно юн, но настоящий монстр в области физики и математики.

– Синдром? – Асад непонимающе посмотрел на нее.

– Ну да, что-то насчет феноменальных способностей в одной области и полного отсутствия таковых в другой. Не совсем аутизм, но нечто похожее. Как его там... – Она нахмурилась. – Ах, точно, синдром Аспергера – вот чем он страдал.

Карл улыбнулся. Стопроцентно, и у нее могло быть то же самое.

– Так что там с этим парнем? – спросил он.

– Он начал у них учиться, получил высшие оценки в первом семестре, а потом бросил.

– Как это произошло?

– Он явился в последний день перед зимними каникулами вместе со своим младшим братом, чтобы показать ему школу, и после этого никто его не видел.

И Асад, и Карл прищурились. Вот оно.

– И как же его звали? – спросил Карл.

– Его звали Поул.

У Карла все внутри похолодело.

– Да! – воскликнул Асад и сделал жест рукой и ногой одновременно, словно марионетка.

– Преподавательница сказала, что она помнит его очень хорошо, так как Поул Холт был ближе всех к Нобелевской премии из тех, кто когда-либо учился в их школе. Кроме того, она больше никогда, ни до ни после, не встречала в Инженерной народной школе учеников с синдромом Аспергера. Он был особенным.

– И поэтому она его помнит? – спросил Карл.

– Да, именно поэтому. И еще потому, что он учился в самой первой группе.

Полчаса спустя Карл повторил вопрос непосредственно в Инженерной народной школе и получил тот же ответ.

– Да уж, такое не забывается, – улыбнулась Лаура Манн. – Наверняка и вы помните ваше первое задержание?

Карл кивнул. Мелкий грязный пьянчужка, улегшийся прямо посреди Энгландсвай. Карл как сейчас видел соплю, пролетевшую по воздуху и приземлившуюся прямо на его значок полицейского, когда он пытался аккуратно погрузить этого идиота в автомобиль. Нет, первое задержание никак не забыть, это правда. Не важно, с соплями или без.

Он посмотрел на женщину, сидевшую напротив. Иногда ее можно было увидеть по телевизору: ее приглашали в качестве эксперта, когда речь шла об альтернативных источниках энергии. «Лаура Манн, к. т. н.» – было написано на ее визитке, и далее следовало множество титулов. А что Карл

мог бы написать на своей визитке?

– У него была некоторая форма аутизма, верно?

– Да, но в мягком варианте. Люди с синдромом Аспергера часто бывают очень и очень одаренными. Большинство называет их нердами. Типа Билла Гейтса. Своего рода Эйнштейны. Однако у Поула был и практический талант. Он вообще во многом был особенный мальчик.

Асад улыбнулся. Он также отметил ее очки в роговой оправе и шейный платок. Да уж, подходящий преподаватель для Поула Холта. Нерд нерда видит издалека, как говорится.

– Вы говорите, что Поул привел с собой младшего брата шестнадцатого февраля тысяча девятьсот девяносто шестого года, а затем его никто не видел. А откуда вы знаете, что это было именно в тот день? – спросил Карл.

– В первые годы мы вели протоколы встреч. Мы просто посмотрели, когда он перестал приходить. Он ни разу не появился после каникул. Хотите сами взглянуть в протоколы? Они у нас хранятся тут же, в соседней комнате.

Карл посмотрел на Асада. Тот не проявил особого интереса.

– Да нет, спасибо, мы поверим вам на слово. Но ведь потом вы как-то связывались с семьей? Или нет?

– Да, но они разговаривали как-то уклончиво. В особенности когда мы предложили приехать к ним домой и обсудить ситуацию с Поулом.

– Так вы разговаривали с ним по телефону?

– Нет. Последний наш разговор с Поулом Холтом состоялся здесь за неделю до начала зимних каникул. Позже я звонила ему домой, но отец ответил, что Поул не хочет подходить к телефону. И больше ничего нельзя было поделать. Ему только что исполнилось восемнадцать, так что мальчик должен был сам решать, что ему дальше делать в жизни.

– Восемнадцать? Разве он был не старше?

– Нет, он был очень молод. Стал студентом в семнадцать, так что рано выпустился.

– У вас есть о нем какие-либо данные?

Лаура улыбнулась. Естественно, она уже все подготовила заранее.

Карл зачитал вслух, Асад стоял сзади, заглядывая ему через плечо.

«Поул Холт, дата рождения 13 ноября 1977 года. Физико-математический класс гимназии Биркерёде. Средний балл – 9,8».

Затем следовал адрес. Совсем недалеко отсюда. Максимум сорок пять минут езды.

– Относительно скромные успехи, если мы говорим о гении, не так ли? – заметил Карл.

– Согласна, но так уж получается, когда по всем естественно-научным дисциплинам сплошные тринадцать баллов, а по гуманитарным – одни семерки.

– Вы говорите, у него были проблемы с датским языком? – подключился Асад.

Она улыбнулась:

– По крайней мере, с письменной речью. Его доклады были далеки от совершенства в плане языка. Но так происходит часто. Да и устно он выражался довольно примитивно, если тема разговора его не захватывала.

– Я могу забрать эту копию? – спросил Карл.

Лаура Манн кивнула. Если бы не ее желтые пальцы и жирная кожа, он бы даже обнял ее.

– Карл, фантастика! – провозгласил Асад, когда они подходили к дому Поула. – Мы получили задание и выполнили его за одну неделю. Теперь мы знаем, кто автор письма! Вот! А сейчас мы стоим перед его домом! – Он с силой ударил по приборной панели, чтобы подчеркнуть их головокружительный успех.

– Да, – согласился Карл. – Теперь будем надеяться, что все это было шуткой.

– Если так, то как следует отругаем Поула.

– А если нет, Асад?

Тот кивнул. Тогда перед ними открывалось новое поле для деятельности.

Они припарковались у садовой калитки и тут же заметили, что фамилия на табличке была отнюдь не Холт.

Они позвонили, и спустя некоторое время им открыл мужчина на инвалидной коляске, заверивший их, что с 1996 года никто, кроме него, здесь не проживал. Карл ощу-

тил тот самый непонятный инстинкт, который заставлял его поджимать губы и испытывать некое остервенение.

– Случайно, не у семьи Холт вы купили этот дом? – поинтересовался он.

– Нет, вообще-то, я купил его у Свидетелей Иеговы. Хозяин дома был у них вроде священника. Большая гостиная использовалась в качестве зала собраний. Хотите взглянуть?

Карл покачал головой:

– Так вы, значит, никогда не встречались с семьей, которая жила тут прежде?

– Нет, – ответил мужчина.

Карл и Асад поблагодарили его и удалились.

– Асад, у тебя тоже внезапно возникло впечатление, что это нечто иное, чем детская забава?

– Так, Карл. Только потому, что они переехали... – Он остановился посреди садовой дорожки. – Я, кажется, понимаю, о чем ты думаешь, Карл.

– А что, нет? Разве способен парень такого склада личности, как Поул, на нечто подобное? И неужели мальчишке из Свидетелей Иеговы вообще может прийти в голову такая проделка? Что скажешь?

– Не знаю. Я только знаю, что они способны на ложь. Но вряд ли они лгут друг другу.

– А у тебя нет знакомых из Свидетелей Иеговы?

– Нет, но это характерно для множества религиозных людей. Члены общины защищают друг друга от окружающего

мира всеми способами. В том числе и ложью.

– Верно. Однако похищение людей – это слишком. Тут что-то не так. Думаю, любой из Свидетелей Иеговы со мной согласится.

Асад кивнул. Тут они сошлись во мнениях.

И что же теперь?

Ирса металась, как тысяча муравьев на единственной тропинке, туда-сюда между своим кабинетом и кабинетом Карла. В данный момент дело о похищении входило в ее компетенцию, и она хотела знать все, и желательно в мельчайших подробностях. Как выглядит учительница Поула? Что говорила Лаура Манн о нем? Как выглядит дом, в котором жила его семья? Что еще удалось выяснить, помимо того, что они принадлежали к Свидетелям Иеговы?

– Спокойно, Асад уже работает с Государственным регистром. Скоро мы разыщем их.

– Карл, ты не мог бы выйти в коридор? – попросила Ирса и потащила его за собой к огромной копии на стене, где приписала снизу имя Поула и еще несколько мелких слов.

### ПОМОГИТЕ

В день 16 февраля 1996 нас похиттили

Нас схватили у автобусной остановки  
у Лаутропванг

в

Баллерупе – человек ростом 18. с короткеми

волосами

..... – У него шрам на правой.....

... сини фургон Папа и мама знакоммы с ним –  
Фр. д... и

... н. Б –... урожай нам... в... – он убьет нас –

... рю..... о..... рст...

Брат – Мы ехали почти 1 час..... у вады...

... мы..... Здесь плоха пахнет –... е...

....р.... рю. г –.....

Лет

Поул Холт

– Вот! Его похитили вместе с братом, – подвела итог Ирса. – Его зовут Поул Холт, и он пишет, что они были в пути почти час, и я еще думаю, что они направлялись к воде. – Она уперлась кулаками в свои узкие бедра и решительно готовилась высказать свое мнение. – Если мальчик страдал синдромом Аспергера или чем-то в этом роде, мне кажется, он не смог бы выдумать, что они направляются к воде. – Ирса обернулась к Карлу. – Так?

– Писать мог и его младший брат. По большому счету мы ведь ничего не знаем.

– Нет, Карл, давай по-честному. Лаурсен нашел рыбью чешуйку на бумаге, на которой было написано письмо. Предположим, автор письма – младший брат. Неужто он поместил туда эту чешуйку, чтобы придать истории правдоподобие? И рыбью слизь – тоже?

– Он мог быть непростым парнем, как и его старший брат.



Только по-своему.

Тут Ирса топнула ногой так, что эхо из ротонды разнеслось по всему подвалу.

– Дьявол! Карл, послушай. Приведи в действие свое серое вещество. Где их похитили? – Она погладила его по плечу, чтобы немного смягчить грубую интонацию.

Карл обратил внимание на то, что в связи с этим с него слетело немного перхоти.

– В Баллерупе, – ответил он.

– Правильно, и что ты об этом думаешь? Похитили их в Баллерупе, и все-таки они ехали почти час, прежде чем достигли берега. Если они направлялись в Хунестед, то, черт возьми, дорога туда не может занять целый час. Сколько нужно времени, чтобы добраться до Йуллинге из Баллерупа? Я считаю, максимум полчаса.

– Но они могли, к примеру, поехать в Стевнс, да? – проворчал Мёрк.

Никто не хотел бы скомпрометировать свои интеллектуальные способности. И он в том числе.

– Да! – Тут Ирса снова топнула.

Если бы под ними жили крысы, они бы все уже передохли.

– Но если наше письмо из бутылки просто выдумка, – продолжала она, – зачем было так все усложнять? Почему бы просто не написать, что они ехали полчаса и оказались у воды? Так бы и написал мальчик, сочиняющий хорошую историю. Потому я и считаю, что это не выдумка. Карл, пора уже

воспринять письмо всерьез.

Мёрк глубоко вздохнул. Он просто не желал допускать ее до серьезного дела. Розу – возможно, но не Ирсу.

– Да-да, – прошипел он. – Посмотрим, какие появятся подвижки, когда мы разыщем семью.

– Что тут происходит? – Голова Асада показалась из кабинета пигмеев.

Очевидно, он хотел узнать настроение коллег: ругались они или нет?

– У меня есть адрес, – сказал он и протянул Карлу бумажку. – С тысяча девятьсот девяносто шестого года они пере-езжали четыре раза. Четыре раза за тринадцать лет. Сейчас они живут в Швеции.

«Этого только не хватало, – подумал Карл. – Там же самые крупные на свете комары и самая гадкая на свете еда».

– О боги, – произнес он вслух. – Наверняка они поселились где-нибудь ближе к северу, где пасутся дикие олени. Лулео, или Кебнекайсе, или что-то подобное?

– Халлабро. Населенный пункт называется Халлабро и расположен в Блекинге. Около двухсот пятидесяти километров отсюда.

Двести пятьдесят километров. К сожалению, довольно преодолимо. До свидания, ближайшие выходные.

Карл попытался сопротивляться:

– Хорошо. А их не окажется дома. А если позвонить заранее, их тоже не окажется дома. А если они все-таки окажут-

ся дома, они наверняка говорят по-шведски, и кто способен понять их болтовню, если мы приехали из Ютландии?

Асад прищурился. Может, одна-две фразы Карла ему показались лишними?

– Я звонил им. Они были дома.

– Неужели? Ах, ну тогда их наверняка не окажется завтра дома.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.